Р. Л. САМОЙЛОВИЧ

МОЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

ПОЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

Всесоюзный Арктический Институт

ИЗДАНИЯ ВСЕСОЮЗНОГО АРКТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

СЕРИЯ „ПОЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА"

В. Ю. Визе
Международный полярный год

Р. Л. Самойлович
Путь к полюсу

М. А. Дьяконов
Путешествия в полярные страны

Леруа
Приключения четырех матросов

Л. О. Ретовский
Сквозь пургу и против волны

Х. Свердруп
Во льды на подводной лодке

[illegible]

Печатаются:

Р. Скотт
Дневник

С. В. Обручев
На самолете в восточной Арктике

Б. Г. Островский
Безвременно ушедшие

Альбанов
Затерянные во льдах

В. Ю. Визе
На „Сибирякове" в Тихий океан

Р. Л. Самойлович
Полеты в Арктике и Антарктике

В. Стефансон
Гостеприимная Арктика

Де Вер
Диариум Наутикум
Журнал экспедиции Баренца

Вегенер
На ледниковом щите Гренландии

Руал Амундсен
Северозападным проходом на „Йоа"

Грили
Три года службы в Арктике

Акп Проверено-85

ПРОВЕРЕНА 1952 г.

Проверен[illegible] г.

ПРОВЕРЕНА

Индекс	КГ		Шифр хранения
Авторский знак	4-С.17-М		Инв. №

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

					V

Тип. Военмориздата. Зак. 1453 –15000

ПОЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

О
XI
С-17

Р. Л. САМОЙЛОВИЧ

МОЯ 18 ЭКСПЕДИЦИЯ

Инв. 2041.
60889
14480

Издание
Всесоюзного
Арктического
Института

К

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Отъезд из Ленинграда — Яша Ардеев. — Кто такой В. А. Русанов.

Осталось очень мало времени до отхода поезда. Сотрудники моей экспедиции давно уже находились на перроне Московского вокзала у вагона, под окнами которого была прикреплена белая полоска с надписью „Ленинград - Архангельск".

Мы занимали весь вагон, треть которого была уставлена хорошо пригнанными ящиками и инструментами. Другие купэ были забиты грязными замасленными мешками с экспедиционным снаряжением, видавшем виды и побывавшем в немалых переделках. На лавках и под ними виднелись заплечные мешки, пакеты, разные свертки, тюки, чемоданы - кожаные, фибровые и деревянные.

В нашем же вагоне едет часть „сибиряковцев", партия на Северную Землю и участники Новоземельской экспедиции.

На перроне суета, масса провожающей публики. Все свои, — друзья, жены, дети. Вот в стороне стоит молодой ученый, он отправляется на полтора года на необитаемый архипелаг. На полтора? Кто знает.... Быть может на гораздо больший срок. Его за руку держит миловидная женщина в легком платье. Ее печальное лицо обращено к нему. Большие, немного влажные глаза. Они стоят молча. Рука в руку.

Невдалеке от них бодрый, крепкий старик, старающийся напряженной строгостью лица скрыть свое волнение. Рядом с ним совсем седая, маленькая женщина. Она провожает сына.

— Ну, что ты все плачешь?—обращается к ней муж. —Просто глупо. Не на век же уезжает!

Старушка старается бодриться, но слезы все текут и текут из ее глаз. Мать.

Кто чрезвычайно доволен всем происходящим, так это дети. Они вносят еще большую суматоху, бегают от одного сотрудника к другому, смотрят на все пожирающими глазами, каждый сверток обязательно щупают руками, всем интересуются, обо всем расспрашивают. Общий восторг детей вызывает красавица „Диана". Действительно прекрасный пес, — темно-бурая немецкая овчарка, отправляющаяся на Новую Землю. Она очень свирепа и кроме хозяина, геоботаника Зубкова, никого к себе не пускает близко.

Раздается звонок. До отхода осталось только две минуты. За это время необходимо было успеть сказать самое, самое нужное, обнять, расцеловать родных. Как всегда кто-то запоздал и мчался по перрону сломя голову, с огромным брезентовым тюком за плечами. Кое как втащили ношу обессилевшего пассажира в окно. Раздался резкий свисток кондуктора. Еще несколько рукопожатий и поезд плавно двинулся вперед.

У окон вагона сгрудились зимовщики: в последний раз взглянуть на близких, на медленно уплывающий перрон, запечатлеть огромный город с тысячами людей. Поезд ускорил ход. Внутри вагона необходимо было привести в порядок груды набросанного багажа, чтобы по человечески разместиться. Всем коллективом дружно принялись за нелегкое дело целесообразного распределения груза и вещей. Через час упорной работы каждый получил свое место. Для порядка был избран „комендант", на обязанности которого лежала также продовольственная часть. Постепенно жизнь входила в норму На ближайшей станции взяли кипяток, появились толстенные бутерброды, все с жадностью принялись за еду, — после целого дня упорной работы аппетит был не плохой, — началась новая, экспедиционная жизнь, как ножем отрезавшая от прежней „городской".

Только „Диана" никак не хотела успокоиться, и все еще находилась в нервном возбуждении. Передними лапами она скребла раму окна, иногда тщетно стараясь выскочить из вагона, грустными глазами, как будто предчувствуя долгую разлуку, провожала она мелькающие дома, деревни, столбы, кусты и деревья. Но вот собака сорвалась с места и, как бешеная, бросилась к купэ североземельцев.

Кроме четырех зимовщиков там помещался еще пятый, совсем маленький — это был темносерый котенок с зелеными глазами. Ничего не подозревая, он беспечно показался у отодвинутой двери и несомненно поплатился бы жизнью за свое легкомысленное поведение, если бы Нина Демме, но-

вый начальник Северной Земли, не успела схватить его на руки перед самой пастью разъяренного пса. „Диана" после этого долго не могла успокоиться.

— Хоросая собака, — одобрил ненец Яша Ардеев, отправляющийся на Новую Землю в составе полярной экспедиции Всесоюзного Арктического института.

О нем следует сказать несколько слов.

Это было в 1921 г. На парусно-моторном судне „Шарлотта" я подошел к становищу Малые Кармакулы. Был крепкий ветер, „сток" (восток)—самый опасный на Новой Земле по своей силе и порывистости. Но у нас не было времени пережидать его ослабления и мы пошли к берегу на надежной морской шлюпке. „Шарлотта" была первое судно, пришедшее в ту навигацию и, естественно, все немногочисленное население высыпало в ожидании нас на берег. Мокрые до нитки мы выскочили на сушу. Первым приветствовал нас высокий, крупный ненец в малице [1] с непокрытой головой. Одна рука была у него в рукаве, другая же спрятана под малицей. Вокруг него столпилось несколько детей, старший из них мальчик лет 13-ти с бронзовым лицом смотрел на меня широко-открытыми глазами. Это и был Яша Ардеев, тогда почти не говоривший по-русски. Он помогал отцу в промысле уже несколько лет, в течение которых отец жил безвыездно на необитаемой восточной стороне. Там же старик Ардеев случайно прострелил себе руку и, хотя он после этого случая стрелял с левой руки, но считался одним из лучших стрелков и охотников. Яша уже тогда был настоящим помощником отца, ставил ловушки на песца, бил медведя и тюленя, но был безграмотен и даже среди безграмотных тогда ненцев отличался первобытной дикостью.

Прошло много лет. Незадолго до нашего отъезда в Архангельск в мой служебный кабинет в здании Всесоюзного Арктического института, вместе с Ермолаевым, вошел молодой человек, одетый по городскому, даже с некоторой претензией на щегольство. Лицо мне показалось знакомым.

— Я тебя снаю, — заявил сразу вошедший с ненецким акцентом. Я все же не мог его вспомнить. — Ардеева помнись?

Неужели Яша? То был он, — теперь студент рабфака Института народов Севера. Он просил моего согласия на его участие в нашей Новоземельской экспедиции. Ну, конечно. Он может ей оказать неоценимые услуги, и Яша был зачислен.

---

[1] Малица—оленья одежда мехом наружу, в виде мешка с рукавами и капюшоном, надевающегося на голову.

Теперь мы едем в одном вагоне. Яша, несмотря на интерес к науке, все же тяготится городом.

— Очень скусно, — говорил он.

Ленинград он характеризовал одной фразой: „воздух дюже прозрачный — дома видно".

Время в пути проходило быстро, незаметно. Мелькали вокзалы, водокачки, люди, поезда, телеграфные столбы. Вот и Вологда с ее оживленной узловой станцией. От нее путь почти под прямым углом поворачивает прямо на север. Одна за другой проходили небольшие станции, носящие странные названия — Вожега, Лухтонга, Няндома. У каждой видны были длинные составы платформ, груженых свежим, хорошо пахнувшим лесом. Чувствовалось, что мы приближаемся к лесному центру. Через болота и леса, обгорелые от ежегодных пожаров, мы неслись к северному городу.

Через 40 часов после отъезда из Ленинграда, с некоторым опозданием мы прибыли в Архангельск.

В какой уж раз я в этом городе и не счесть.

Впервые в 1906 г. Пришел по этапу с партией политических ссыльных. Скованных ручными кандалами нас сгрудили на том же самом пароходе „Москва", который и теперь стоял у пристани, для переправы через красавицу Северную Двину. Не долго я тогда высидел в Холмогорах, на родине Михаила Ломоносова, куда меня сослали. Через несколько недель я бежал в Петербург. Здесь, на нелегальном положении, работая в военно-боевой организации при Петербургском комитете РСДРП (б), я прожил до весны 1908 г., когда снова „провалился", —подвел плохо сработанный фальшивый паспорт. Но так как я был крайне осторожен и обыск не дал никаких результатов, то я отделался только тем, что меня снова сослали в Архангельскую губернию.[1]

На вокзале нас встретили „русановцы". У пристани стояли уж наготове „Молния" — самый быстроходный катер на Двине и другой бóльший, для вещей. Быстро, споро вынесли груз из своего вагона и нагрузили доверху катер вещами и инструментами. Несколько человек, у кого были неотложные дела, умчались на „Молнии".

---

[1] Мои товарищи, помню, посмеивались надо мной. Зная, что я кончил горную Академию во Фрейберге (Германия), где в свое время учился и Ломоносов, они убеждали меня, что разница между мною и Ломоносовым в том и состоит, что Ломоносов сначала жил в Архангельской губернии, а потом учился во Фрейберге, я — же обратно: сперва учился во Фрейберге, а потом попал в Архангельский край. Только и всего.

Могуче разрезая форштевнем [1]) темную воду и оставляя за кормою две бурлящие и пенящиеся борозды, которые широкими полосами расходились к самым берегам, катер нес нас вниз по реке. Рулевой ловко правил между плотами и многочисленными бревнами, спокойно плывшими, покачиваясь, на поверхности воды. Через двадцать минут мы уже пристали к борту „Русанова". Я в первый раз видел этот ледокол и с любопытством стал его рассматривать, как только он показался на фоне судо-ремонтного завода в Соломбале.[2]

Л/п „Русанов".

С некоторым волненьем я поднялся по шторм-трапу на корабль. Ведь он носил имя моего друга и первого учителя в Арктике—Владимира Александровича Русанова, погибшего в 1912 г.

Первый раз я встретил В. А. Русанова летом 1910 г. Тогда меня, как ссыльного, только что перевели из г. Пинеги в Архангельск. Случайно я поселился в том же самом доме, где жил тогда В. А. Русанов. Это был высокий, крепкий человек, с открытым лицом, обрамленным светло-

[1] Передняя часть киля судна.

[2] Предместье г. Архангельска, расположенное ниже по реке, ближе к ее устью.

русой бородкой. Уже тогда В. А. был популярен в Архангельске и считался одним из наиболее выносливых и отважных полярных путешественников. Неоднократно беседуя со мною на темы об исследовании наших арктических районов В. А. горячо и с большим знанием дела говорил об изучении Новой Земли и сильно увлекал мое воображение. Он был первым человеком, побудившим меня приняться за изучение Арктики.

В 1933 г. минул 21 год с того времени, как В. А. Русанов отправился на моторном судне „Геркулес" для исследования Шпицбергена и более восточных районов полярного бассейна. С того времени нам ничего неизвестно о судьбе его и десяти его спутников.

Широкие круги трудящихся мало знают об этом замечательном человеке, поэтому я хочу несколько подробнее рассказать об его жизни и работах.

Владимир Александрович Русанов родился в городе Орле в 1875 г. Сейчас трудно установить какого звания был его отец, по одним сведениям это был купец, по характеристике же следственных документов орловского жандармского отделения, отец его принадлежал к „разночинцам". Он умер, когда В. А. был еще ребенком. Мать, однако, старалась дать В. А. возможно лучшее образование. Мальчик был отдан в классическую гимназию, единственную тогда в городе Орле. Молодому Русанову пришлось уйти из гимназии, за „неспособностью", он был переведен в реальное училище, но и здесь успехи его были не блестящи. К тому времени мать уже вторично вышла замуж за преподавателя семинарии и, вероятно, именно поэтому ее 12-тилетний сын был принят в это учебное заведение. Неуспех его в науках объяснялся, главным образом, тем, что с раннего детства В. А. любил бродить в лесу и в окрестностях города, посвящая свое свободное время собиранию разных камешков и их сортировке. С детства у него определилась любовь к окружающей природе. Уже в раннем возрасте он выказывал необычайную для мальчика выносливость, проходил шестидесятиверстные расстояния, предпочитая пешее хождение другим способам передвижения. Он, повидимому, от природы был наделен мужеством; будучи 11—12-летним мальчиком он, например, в одиночку оставался ночью в орловском лесу.

Понемногу его учение продвигалось вперед. В последние годы своего пребывания в семинарии, Русанов начал увлекаться революционной деятельностью, вступив в кружок

молодежи, которым руководил тогда Родзевич-Белевич. Здесь он впервые познакомился с учением Карла Маркса. В 1900 или 1901 г., вскоре после окончания семинарии, был арестован жандармским отделением за „противоправительственную пропаганду". Ему вменялась в вину речь о необходимости борьбы за уменьшение рабочего дня и необходимости организации союза рабочих для накопления средств на время забастовок. После недолгого пребывания в тюрьме его освободили и Русанов поступил в одно из учебных заведений г. Киева (в какое, точных сведений не имеется). Как один из руководителей студенческих беспорядков, он был заключен в тюрьму г. Орла, и пробыл там около года. Время сидения в тюремном заключении Русанов употребил для самообразования и изучения иностранных языков. Он особенно увлекался сочинениями Дарвина и усиленно изучал французский язык.

После тюрьмы его выслали в Вологодскую губернию, повидимому в наиболее глухое место.

Жил он там вместе с женой и, работая в качестве статистика, написал две пространные работы, касающиеся быта и экономики зырян. В этой работе Русанов, между прочим, уже тогда указывал на необходимость для улучшения быта населения кооперирования, обучения в школах на родном языке, завоевания политической самостоятельности и, наконец, поощрения литературы на родном языке населения. Вторая работа касалась изыскания водораздела между Печорой и Камой для будущего соединительного канала между этими реками.

Эту работу Русанов писал не только на основании литературного материала, но с огромными трудностями посетил тогда этот безлюдный уголок Печорского края, сам исследовал этот водораздел, и тогда уже показал себя выносливым и наблюдательным исследователем.

В 1903 г. кончился срок его ссылки в Вологодской губернии, но ему запрещался въезд в столицу и в университетские города. Русанову удалось выхлопотать разрешение поехать за границу и он выехал с женою в Париж. Здесь ему удалось заручиться поддержкой известного тогда эмигранта М. М. Ковалевского, который облегчил ему возможность поступления в университет Сорбонны, жена его поступила на медицинский факультет. С первых шагов своего учения в Сорбонне, Русанов показал блестящие способности. Молодой студент-геолог, почувствовал себя на настоящей дороге и никто не мог-бы сказать, что тот же

Русанов в свое время был одним из плохих неспособных учеников затхлой средней школы царской России. В. А. целиком отдает себя научному образованию.

В этом же году его постигло первое горе. Через несколько месяцев после рождения сына умерла его жена от сепсиса, заразившись во время работы над трупом в университете. Сына, Шуру, пришлось отправить в Орел. Русанов же энергично продолжал свои научные занятия. Он уже тогда выделялся среди студентов Сорбонны, и Парижская Академия Наук командировала его в составе экспедиции для изучения извержения Везувия, но его мечтой было посещение мало известной тогда Новой Земли для научно-исследовательских работ. В первый раз он посетил Новую Землю лишь вдвоем, отправившись на пассажирском пароходе.

С этого времени жизнь Русанова навсегда была связана с Арктикой.

После ряда докладов Русанова в Париже, он получил предложение принять участие во французской экспедиции на Новую Землю, под начальством доктора Кандиотти. В числе других участников были также инженер Деламар, Неве и др.

В 1908 г. они из Архангельска направились на Карское побережье Новой Земли. Впервые в истории изучения Новой Земли, она было пересечена с востока на запад. В. А. Русанов один прошел с залива Незнаемова на восточном берегу Новой Земли в залив Крестовый на западном берегу. Все его спутники отстали и он один, благодаря своей выносливости, мог проделать этот путь туда и обратно.

В следующем году была направлена экспедиция под начальством Крамера в составе: начальника, Русанова, как геолога, препаратора Лоренца и фотографа Быкова. Целью экспедиции было изучение Крестовой губы, но Русанов этим не ограничился и на небольшой шлюпке сделал большое путешествие от Крестовой губы до п-ва Адмиралтейства. Кроме того осуществил пересечение от Крестовой губы до залива Чекина. Результатом работы этого года явился ряд статей Русанова по геологии и глациологии Новой Земли. Русанов неоднократно поражал своих спутников мужеством и часто вызывал беспокойство у них за свою судьбу. Уже тогда он мог, благодаря своей необычайной выносливости, совершать переходы в десятки километров, подчас не имея с собой никакого продовольствия.

По возвращении из этой экспедиции Русанов, тогда уже вполне оформившийся полярный исследователь, прочел ряд

докладов в Архангельске и в Париже о своих научных работах, указывая на те задачи, которые с его точки зрения стояли перед исследователями в деле изучения не только Новой Земли, но и вообще полярных стран.

Неоднократно присутствуя на лекциях Русанова, я должен сказать, что он отличался удивительным красноречием, умением четко и ясно излагать свои мысли и увлекательно говорить даже на самые сухие темы.

Для дальнейших исследований у Русанова не было никаких средств, и ему пришлось обратиться к частному предпринимателю, который стремился использовать промысловые богатства Новой Земли и передал в ведение Русанова свой моторный бот „Димитрий Солунский". На этот раз Русанов имел целью обогнуть Новую Землю с севера. Его план в то время казался безумной попыткой, но Русанов уже был знаком с условиями плавания в полярных морях и стоял на своем. В качестве капитана пошел опытный помор Поспелов. В состав экспедиции, кроме Русанова, входили: инженер Кругловский, студент Иванов, студент Ремизов и постоянный спутник Русанова на Новой Земле—ненец (самоед) Тыко Вылка. Вылка тогда еще юноша, выделялся, как замечательный охотник и художник самородок. Благодаря Русанову после окончания экспедиции Вылка отправился в Москву, где, как он говорил, „зимовал" и брал уроки у художника Переплетчикова.

Плавание на маленьком боте „Димитрий Солунский" вокруг мыса Желания было нелегким. У самого мыса и к востоку от него судно попало в тяжелое положение, море было забито льдом. Благодаря опытности капитана Поспелова, удалось пробиться на чистую воду между берегом и ледяными полями, и 27 августа благополучно достигнуть Маточкина Шара. Таким образом, Русанов был первым русским путешественником, обогнувшим Новую Землю с севера. После этого путешествия Русанов стал горячим сторонником проходимости судов Карским морем для связи западной Европы с устьями Оби и Енисея, и в частности варианта этой транспортной линии вокруг мыса Желания.

На этом, однако, Русанов не успокоился,—еще оставалось не исследованным восточное побережье южного острова Новой Земли. Для посещения этого района он построил небольшой моторный бот „Полярный" и от Малых Кармакул на западном берегу, обогнувши южную оконечность Новой Земли, мыс Меньшикова, прошел с востока в Маточкин Шар.

Таким образом это была пятая экспедиция Русанова на Новую Землю.

В следующем году Русанов выдвинул проект экспедиции значительно большего масштаба. В задачу этой экспедиции должно было входить посещение Шпицбергена, Новой Земли и Ново-Сибирских островов.

Специально для этой экспедиции был закуплен бот в Норвегии, совершавший до этого промысловые рейсы к берегам Гренландии. Бот был всего 50 тонн водоизмещения, с мотором в 25 л. с., но почему то назывался „Геркулесом". Состав экипажа состоял из 7 человек, что же касается научных сотрудников, то кроме начальника экспедиции В. А. Русанова, в состав ее входили: вторая жена его Жюльетта Жанн, студентка медицинского факультета Сорбонны, зоолог Сватош и автор этих строк, в качестве горного инженера Капитаном „Геркулеса" был Александр Степанович Кучин, единственный русский участник экспедиции Амундсена к южному полюсу на „Фраме". Механиком судна был студент Семенов. Общее число участников было 14 человек.

Погрузив все необходимое для экспедиции в Александровске на Мурмане, взяв с собой двухгодичный запас продовольствия и необходимое экспедиционное снаряжение, мы вышли оттуда на Шпицберген.

Совместно с Русановым я вел геологические исследования по преимуществу на западном побережьи Шпицбергена. Совместно с ним мы открыли угольное месторождение, расположенное между Адвентбеем и Коалбеем, где в настоящее время работает советское предприятие „Арктикуголь" и посетили многие места западного Шпицбергена, доходя на севере до Кроссбей (залив Креста).

На Шпицбергене экспедиция разделилась на две части. Согласно предварительной договоренности зоолог Сватош и я с коллекциями вернулись в Петербург, к нам еще присоединился заболевший 60-тилетний боцман. Русанов же отправился вместе со своими спутниками на „Геркулесе" к Новой Земле. Благополучно пересекши Баренцево море, он зашел в Маточкин Шар, где оставил записку: „Штормом отброшен к Маточкину Шару. Иду на север Новой Земли и дальше на восток к Ново-Сибирским островам".

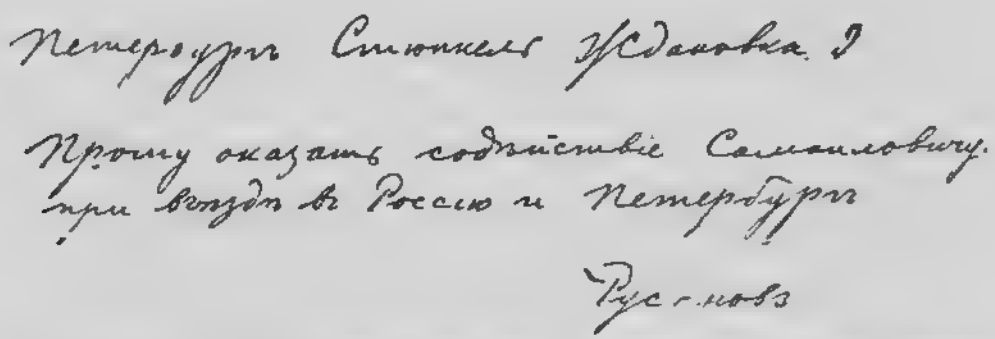
Это было последнее сведение о Русанове.

С того времени ничего более неизвестно о судьбе этой экспедиции. Она погибла бесследно. Никто не знает где и при каких обстоятельствах произошел ее трагический конец. Повидимому, судно было раздавлено среди льдов. А

люди ... Кто знает, какие мученья пришлось им испытать. Быть может, они долгое время носились на льдине по безбрежному полярному морю, и погибли от голода, возможно, что их поглотила морская волна во время шторма. Никто не знает. Одно только можно сказать, зная этих людей,— они мужественно отдали свою жизнь в борьбе с природой.

В течение 1914 –1915 гг. были организованы экспедиции для отыскания Русанова, а также другой погибшей экспедиции — Брусилова. Однако, поиски оказались безрезультатными.

Погиб молодой одаренный исследователь, мой друг и первый учитель в деле полярных исследований. В честь его и назван ледокол, на котором мы отправлялись, „Владимир Русанов".



Автограф В. А. Русанова. Речь идет о снятии запрещения въезда в Петербург Р. Л. Самойловича, возвращавшегося со Шпицбергена в Россию.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На „РУСАНОВЕ". — Цель и состав нашей экспедиции. — Проводы. — Выход в море. — Новая Земля.

Л/п „Русанов" стоял в Соломбале у стенки судо-ремонтного завода, где в ударном порядке производился его ремонт. Участвуя в зимней и весенней зверобойной кампании в районе Белого моря, ледокол не раз подвергался сжатию льдов, обшивка корабля нередко получала вмятины, и сейчас перед ответственным походом „Русанову" давался основательный ремонт.

Пользуясь временем ремонта я решил поставить на корабль так называемый эхолот. Это—специальный аппарат для получения глубин моря автоматическим путем. Имеется несколько систем эхолотов. Что касается аппарата, взятого на „Русанов", то принцип его заключался в том, что он при помощи особой мембраны, закрепленной ниже ватерлинии, посылал звуковые сигналы, производимые при помощи электромотора особым молотком. Звук распространялся по всем направлениям и дойдя до морского дна, отражался от него на подобие эхо. Отраженные звуковые волны улавливались особым микрофоном, расположенным в навигационной рубке. Фиксируя время между передачей и приемом звука и зная скорость распространения звука в воде, можно было легко вычислить глубину моря в данной точке. На „Русанове" был эхолот, нетребовавший особых вычислений, он автоматически показывал глубину моря в наблюдаемой точке. Во время плавания эхолот сослужил нам неоценимую службу, в особенности в неисследованных местах, где еще никто не плавал. Глубины брались каждые 5—10 минут. Показания эхолота мы сравнивали иногда с ручным лотом. Расхождение было в пределах 1—0,5 метра.

Установление эхолота непосредственно перед выходом корабля в море, доставило нам немало хлопот. Дело в том,

что молоток эхолота, отбивавший звуковые сигналы, необходимо было закрепить ниже ватерлинии, почти у самого киля, затем провести к нему электрический кабель. Эта работа представляла много трудностей, потому что корабль стоял не в доке, а у стенки (пристани) судо-ремонтного завода.

Регистрирующая часть аппарата была установлена в штурманской рубке, специально для этой цели поставленной.

В то же время надо было закончить оборудованием ряд лабораторий (гидрохимическую—для анализов проб воды, гидробиологическую—где должны были работать наши зоологи и биологи, фотографическую лабораторию и пр.).

„Русанов" не был приспособлен для размещения того количества людей, которые должны были пойти в нашей экспедиции, поэтому для дополнительных кают был использован т в и н д е к, т. е. пространство между верхней и нижней палубой, где было построено необходимое количество кают на 2 и на 4 человека, общее помещение для строительных рабочих, амбулатория с 2-мя больничными койками и лаборатории. Фотолаборатория помещалась в трюме. Туда приходилось пробираться, лавируя между ящиками и бочками, так что во время качки этот путь не представлял особого удовольствия.

Как всегда бывает перед большим походом, приходилось заботиться о многих „мелочах" на корабле; надо было найти место и пристроить большое количество приборов и инструментов для гидрологических работ, метеорологических наблюдений и пр. Словом, работы хватало и весь состав экспедиции трудился днем и ночью, не покладая рук.

Как я говорил, все межпалубное пространство на корме было занято под отдельные каюты и общую кают-компанию. Каждый из сотрудников еще во время стройки облюбовал себе помещение и приспособил его для своих надобностей: закрепил полки для книг, принайтовил (закрепил) инструменты, оружие, фотоаппараты, бинокли. Все понимали, что в небольшом уютном помещении придется, быть может, провести не один месяц вынужденной зимовки.

Пора, однако, перейти к изложению тех задач, которые ставила перед собой экспедиция на л/п „Русанов".

Главнейшей целью нашей экспедиции было сооружение геофизической обсерватории и радиостанции на самом северном мысе Евразии (т. е. Европейско-азиатского материка)—мысе Челюскине. Мы, однако, не ограничивали свою задачу лишь постройкой полярной станции. В пути мы должны были

произвести ряд гидрологических, геомагнитных, метеорологических и других работ, а на остановках вести геологические исследования и топографическую съемку.

Для осуществления столь обширной программы экспедиция должна была располагать не только научными сотрудниками различных дисциплин, но также достаточным количеством строительных рабочих. Хотя обязанностью последних была постройка зданий, тем не менее они должны были принимать участие в разгрузочных операциях, а также помогать научным сотрудникам в их работе во время плавания.

Таким образом, общее количество участников составило немалую цифру в 63 человека. Из них команда состояла из 36-ти человек, во главе с одним из наиболее опытных полярных капитанов Борисом Ивановичем Ерохиным — испытанным начальником зверобойных экспедиций.

Старший помощник капитана Н. И. Храмцов был моряком от природы. Ловкий, сильный, сообразительный, он был правой рукой капитана. Два других штурмана Ушаков и Заборский не уступали своим старшим товарищам по своим личным качествам. Заборский вышел из боцманов, не отличаясь многословием, он горел на своем деле. Другой всегда спокойно и быстро выполнял свои обязанности.

Научный штат на л/п „Русанов" был не велик. Я поручил С. К. Добронравову быть моим помощником в деле руководства исследовательскими работами. Лично С. К. вел не только гидрологические работы, но под его кураторством находились также метеорологические наблюдения. Ближайшими его сотрудниками были И. И. Львов и М. М. Никитин, оба комсомольцы — аспиранты Всесоюзного Арктического института.

Жизнь моря, т. е. возникновение и развитие в нем растительного и животного мира тесно связана с гидрологическим режимом. Именно поэтому, наряду с гидрологическими исследованиями мы поставили также гидробиологические работы. Два молодых ученых В. Л. Вагин и Н. Н. Кондаков положили на это дело немало труда.

Для изучения явлений земного магнетизма и определения астрономических пунктов с нами отправился сотрудник Ленинградского Физического института Фокидов. Уроженец татарского Крыма, он носил столь сложное имя и отчество, что их никто не мог запомнить.

Молодой конструктор Карасев, установивший у нас эхолот, был взят мной в качестве наблюдателя над ним. Команда его называла — эхолотчиком.

На местах высадки, в особенности в районе мыса Челюскина, я считал необходимым производство топографической съемки. Поэтому в качестве топографа был приглашен Н. Н. Колчин. Собственно говоря, он был талантливым скульптором, но для участия в арктических экспедициях набил себе руку на топографической съемке и оказался одним из наиболее полезных членов экспедиции. Он же помогал мне в работах по взятию проб грунтов морского дна. Кроме научных сотрудников нас сопровождал украинский писатель Н. П. Трублаини.

Часть команды л/п „Русанов". Крайний справа—кап. И. Ануфриев, третий от него—Владимир Самойлович.

1488 Инв. 2041.

60889

В числе участников экспедиции на борту находились: смена на Северную Землю во главе с Н. П. Демме в количестве 4-х человек и 10 зимовщиков на мыс Челюскин, под руководством д-ра Георгиевского. Для этих партий мы имели двухгодичный запас продовольствия. Кроме того, для „русановцев"— продовольствие и снаряжение на год.

Интенсивная работа по подготовке к выходу в море была прервана приглашением на „проводы". Партийные, советские и общественные организации Архангельска в торжественной

обстановке хотели подчеркнуть то значение, которое они придавали экспедициям „Русанова" и „Сибирякова".

В новом здании театра собралось более 2000 человек. За столом президиума — знакомые лица видных местных деятелей, оказывавших нам исключительное содействие в организации экспедиций, оба капитана В. И. Воронин („Сибиряков") и Б. И. Ерохин[1] („Русанов"). Появление полярников встречено было громом аплодисментов.

Всегда трудно говорить публично перед походом. Да, конечно, мы положим все наши силы, если нужно и жизнь нашу, для осуществления поставленной перед нами задачи, но, ведь, мы имеем дело с первозданной природой—с тяжелым полярным льдом, законы движения которого изучены еще так мало. Кто же может предвидеть и с точностью предсказать исход нашего предприятия? Мы отдадим работе весь наш многолетний опыт, наши научные знания будут использованы и мы глубоко уверены, что с победой вернемся обратно и тогда с высоким удовлетворением, которому вряд ли существует что либо равное, скажем: „задание выполнено".

Тесный товарищеский ужин закончил день 26 июля.

С раннего утра следующего дня работы по подготовке экспедиции продолжались с удвоенной энергией. „Русанов" перешел для погрузки на Красную пристань.

К правому борту подвели баржу, груженую до верха строительным лесом.

Дома для станции были построены в Архангельске, и затем разобраны. А так как я имел еще дом для Северной Земли, т. е. всего пять построек, да, кроме того, запасный лес, то очень опасался что „Русанов" не вместит всего нам необходимого.

На берегу высились горы продовольствия, топлива, снаряжения. В сторонке понуро стоял живой скот. Как мы все это разместим? Но, удивительное дело, по мере работы каждому предмету находилось свое место.

Когда погрузка уже подходила к концу, обнаружилось, что на складе не имелось полного количества винтовок, необходимого для нашей экспедиции и зимовочных партий. С оружием вышло досадное недоразумение. Дело было просто. „Сибиряков", отошедший раньше нас, забрал, ничтоже сумняшеся, наши винтовки. Понятно, что без оружия мы не могли выйти в море. Лишь после многих хлопот я получил,

---

[1] Б. И. Ерохин скончался 14 декабря 1933 г. от паралича сердца на л/п „Русанов" во время тяжелого похода из Умбы в Мурманск.

наконец, винтовки у Союзморзверпрома. Но хлопоты отняли драгоценные для нас сутки.

Наконец-то все приготовления были закончены.

Дорогой читатель, представляешь ли ты себе чувство необыкновенного, радостного облегчения, когда раздается

Капитан л/п „Русанов"— Б. И. Ерохин (слева) и И. В. Ануфриев (справа).

третий гудок, капитан командует „отдать концы" и ледокол осторожно отваливает от пристани.

Вот образовалась маленькая щель между бортом и стенкой, понемногу она все более расширяется. Заработали машины, завертелся винт. Ледокол развернулся, вышел на середину реки. Последний долгий гудок. Прощай город,

земля, прекратились бесчисленные заботы, волнения, хлопоты, связанные с сушей. Мы уходим в море, мы идем в новый мир неведомого. Прощайте близкие, родные люди. Не печальтесь, мы обязательно вернемся к вам обратно!

Меня всегда охватывает чувство грусти, когда я слышу прощальные гудки. Как ни рад тому, что оторвался от берега, однако, протяжный гудок напоминает о том, что все еще впереди, что придется побороть много трудностей и преодолеть тяжелые препятствия, прежде чем добиться успеха. А потом, где-то глубоко, в каком-то уголке души живет и не гаснет тревога об оставшихся там, на „Большой Земле", которым, в свою очередь, придется пережить немало волнений.

На „Русанове" со мной пошел до Чижовки (таможенный пост в устье Двины, при выходе в море) мой двенадцатилетний сын — Владимир. Он отправился затем юнгой в экспедиции М. М. Ермолаева на Новую Землю. Мне было радостно, что на борту находился этот маленький человечек. У Чижовки съехала пограничная охрана, а с нею провожающие и мой мальчишка.

Дождавшись полной воды, мы простились с провожавшими нас и вышли в море. С катера пограничников раздались три прощальных выстрела.

— До свиданья, до свиданья — кричали со шлюпки. — Скорей возвращайтесь!

Еще некоторое время было слышно цоканье мотора. По мере удаления шлюпки оно становилось все глуше, пока совсем не смолкло где-то у берега.

Впоследствии я прочел в дневнике Владимира следующие строки, написанные неровным детским почерком:

„31/VII. Приехали мы в Чижовку часа через три. Там ледокол простоял еще часа $2^1/_2$, а затем наступило прощание. Все прощались горячо, страстно. При звуке поцелуев, при объятиях все чувствовали само слово „люблю". Наконец катер отъезжает. У всех на губах последнее прости. В душе какое-то раздирающее чувство. Хочется плакать, кричать, умереть от тоски и горя. Это боязнь за жизнь самоотверженных, любимых. Это ужасно горько. И я отлично понимаю чувство едущих на корабле. Этот катер уносит твоих близких, родных. Этот катер последнее прощание с материком. Невольно возникает мысль: „Увидимся ли? Навсегда ли?" Но вот катер оторвался от парохода. Он виден: весь черный, весь в драгоценных, горьких слезах. Но вот он скрылся. Наступила ночь.

1/VIII. Я встал, вспоминая папу. Потом пошел на склад и там подружился с „Дианой".

К следующему дню (2 августа) палуба ледокола была приведена в полный порядок, — ящики, бочки принайтовлены, чтоб не смыло их в „погоду“ (так поморы называют шторм).

Только наш „скотный двор“ нарушал картину общего порядка. На палубе помещались: 14 коров, 10 свиней и 2 лошади. Последние сыграли для нас немаловажную роль во время строительства, коровы же и свиньи служили частью для питания в пути, частично были оставлены для зимовщиков.

Погрузка скота.

Полный штиль стоял в горле Белого моря. Спокойно проходили мы вдоль Терского берега Кольского полуострова, на котором еще кое-где виднелись белые пятна нестаявшего зимнего снега. Морская гладь медленно и широко колыхалась и, казалось, будто море глубоко вздыхало; багровое солнце едва касалось своей окружностью гладкой, как ртуть, поверхности моря, будто не решаясь в него погрузиться. От солнца к кораблю тянулась широкая, багряная полоса, покрывавшаяся время от времени се-

ребряной чешуей от набегавшего ветерка. Море умиротворенно отдыхало. Я молча стоял на мостике, ни одним словом не пытаясь прервать необыкновенной тишины, нарушавшейся только монотонным и привычным шумом упорно вертевшегося за кормой винта.

Мы двигались все дальше на север. Вот и Городецкий маяк. От него мы повернули на северо-восток к Канину Носу (северный мыс Канина полуострова). Пройдя траверз [1] этого мыса, курс был взят на Маточкин Шар.[2]

Весь путь к Новой Земле прошли сравнительно спокойно. Только южнее Маточкина Шара у Гусиной Земли, ветер в 5 — 6 баллов развел довольно большую волну и „Русанов" стал круто переваливаться с борта на борт.

Время от времени волна попадала на палубу, от чего особенно страдали коровы, помещенные на правом борту. Они имели очень жалкий вид. Жалобно мыча, стояли они, понуро опустив головы и, как пьяные, шатались при каждом ударе волны на своих непривычных к качке, неустойчивых ногах. Опасаясь заболевания скота, я приказал ликвидировать наших домашних животных, за исключением нескольких голов, предназначенных для зимовщиков. Коровы ели много сена и жадно пили в большом количестве пресную воду, а нам приходилось беречь и то и другое.

Две свиньи у нас сдохли. Наши врачи Урванцева и доктор Георгиевский, вскрывшие свиней, нашли у них в желудках... опилки. Вообще же, свиньи вызывали антипатию у всей команды — без всякого повода они визжали, хрюкали и крайне раздражали собак, расположенных невдалеке от них в особых будках.

3 августа мы уже входили в Маточкин Шар. Погода стояла пасмурная, но вход в пролив был ясно виден. Когда проходили Поморское становище[3], подняли флаг и дали три гудка.

Как печально, вероятно, смотрели на проходящий ледокол промышленники, к которым после долгой зимовки не заходил еще ни один пароход с „Большой Земли".

У Новой Земли стало прохладно, пришлось одеть свитер, а на палубе носить и шубу, мою искушенную спутницу во всех полярных экспедициях. Она уже стала потертой, изно-

---

[1] Траверз — линия, проведенная перпендикулярно от какого либо пункта к курсу корабля.

[2] Пролив, разделяющий Новую Землю на два острова, — южный, меньший по площади, и северный — бо́льший.

[3] Расположено при входе в Маточкин Шар, на южном берегу его.

шенной, но я не могу с ней расстаться. Впрочем, несколько лет тому назад я едва не лишился ее окончательно. Штурман моей экспедиции П., однажды порядочно наугостившись, бросился в воду в этой шубе и валенках, чтобы показать свое искусство плавания, в котором он был, действительно, большой мастер. К общему удивлению он проплавал в том необычном купальном костюме около получаса, при этом в ледяной воде (это было также у Новой Земли, в Петуховском Шаре). Полузамерзший вылез П. из воды в шлюпку. Он остался здоровехонек, а о шубе говорить не приходилось, — мы едва ее высушили. Все же, несмотря на эти превратности судьбы, она служит мне и до сих пор.

Пошел сильный дождь с туманом и нам пришлось стать на якорь в Маточкином Шаре.

На палубе стало мокро, скользко, но зато тем приятнее было расположиться у стола в моей чистой, теплой каюте. Здесь я мог спокойно работать, окруженный многочисленными друзьями — моими любимыми книгами.

Вскоре после отдачи якоря к борту подошел небольшой моторный бот с промышленниками: Иваном Журавлевым, Третьяковым и старым Михаилом Вылкой. Старик ненец, со сморщенным, как печеное яблоко, лицом, был слабосилен и дряхл, но острые и проницательные глаза говорили еще о живости духа.

Вылка боком прислонился к мачте корабля. Голова его была не покрыта и капли дождя текли по его еще черным, как вороново крыло, волосам. Узкие глаза мигали и не понять было — слезились они или то капли дождя стекали по его обветренным щекам. Многое видел на своем веку старик, много претерпел он за свою долгую жизнь, погибал от мороза, новоземельского „стока", спасался от медведя, три раза тонул в ледяной воде, а вот еще промышляет и один на медведя ходит и тюленя бьет, не силой берет, а сноровкой и необыкновенным чутьем почти первобытного человека. Жена и дети у него давно умерли, остался Вылка один-одинешенек на белом свете.

— Лучше бы мне помереть скорее, — закончил он, рассказывая о невеселой своей жизни.

Ивана, брата Сергея Журавлева (последний зимовал в то время на Северной Земле), я знал его еще мальчишкой, когда отец, старик Журавлев, впервые завез его на Новую Землю. Теперь он женат, имеет двух ребят, живет и промышляет на Маточкином-Шаре. Все хочет поступить на одну из наших полярных станций, „по крайней мере научусь чему нибудь,

а то я здесь как темная бутылка". Все они слегка на-веселе, возвращались с л/к „Ленин", где, вероятно, их угостила команда.

— Скажи брату, что скучаю по северу, — говорил мне Иван.

— Как, — удивился я, — ведь ты с семилетнего возраста живешь на Новой Земле! Куда же тебе еще, на северный полюс, что ли? — А дальше хочу. Надоело здесь, каждое становище знаю, новое место повидать бы.

4 августа „Русанов" вышел из Маточкина-Шара в Карское море, отсалютовав Геофизической обсерватории, построенной в 1923 г. на северном берегу его у входа в море. Мы видели, как зимовщики высыпали из здания радиостанции к берегу и махали нам руками. В ответ я послал полярникам приветственную радиограмму.

У выхода из Маточкина-Шара мы встретили у восточного берега Новой Земли мелко битый лед в 2—3 балла, простиравшийся к востоку полосою в 3—4 мили, выйдя из которой мы без труда продвигались по спокойному морю, будто по озеру.

Однако, на горизонте виднелось белое „ледяное" небо. На следующий день, идя по параллели 73°12' с. ш., мы вошли в лед на меридиане 64°10' в. д. в крупно-мелко-битый лед до 8 баллов. Направление распространения льда было от NW на ESE. Только через 6 часов мы вышли на чистую воду из полосы льда, шириною в 33 мили.

Я впервые наблюдал поведение „Русанова" в пловучем льду. Впечатление создавалось не плохое. Он хорошо слушался руля, старательно, с достаточной мощью колол попадавшиеся поля, разворачивался где надо, словом, работал на славу, и во мне родилась любовь к кораблю, будто к живому существу. Ведь вся надежда на ледокол, под умелым руководством опытного капитана, он д о л ж е н привести нас к успеху.

По выходе изо льда видно было на необозримое пространство слегка волнующееся море, цвет которого сильно напоминал цвет пресной воды, оно имело такой же желтоватый, непрозрачный оттенок. Сказывалось влияние огромных водных масс, вливаемых в Карское море мощными сибирскими реками.

Светило яркое солнце и согревало своими лучами воздух. На вантах сушилось свеже-выстиранное матросское белье. Жизнь текла налаженно, нормальным порядком, без особых событий, если не считать гибели одной из лучших

собак. С пеной у рта она покусала нескольких человек и ее пришлось отравить. Ввиду подозрения на бешенство, врач стал прививать укушенным вакцину, которой, по счастию, у нас захвачено было достаточное количество.

Я сидел на палубе и, пригреваемый солнышком, писал свой дневник. Надо мной пролетали веселые крачки, мои любимицы, стремительные, резвые птицы, жизнерадостно парившие в воздухе. А на палубе, как в колхозе, протяжно мычали коровы, переминались с ноги на ногу лошади, хрюкали свиньи, лаяли собаки.

Подозрительная глубина.

Среди ночи проснешься, бывало, и в недоумении прислушиваешься к собачьему лаю. Все спутается тогда спросонья. Где я? В полярном плавании, или на своем родном Дону, когда летом бывало спал на открытом воздухе, под безмерным куполом бархатного неба, уходившего в бесконечность, сверкавшую звездами, будто золотыми гвоздиками. Тогда тоже со всех сторон слышен был заливчатый лай собак. Но нет, взглянешь в иллюминатор,[1] — белый свет незаходящего солнца проникает в каюту, глыбы льда колышатся на

[1] Иллюминатор — круглое окошко каюты.

поверхности моря. Сразу очнешься и пожалеешь немного об южной ночи. Все-таки хорошо и там, а главное, с темным южным небом неразрывно связаны воспоминания детства.

Я постоянно держал команду в курсе всех наших дел и старался пробудить в ней совершенно сознательное отношение к работам нашей экспедиции. Пользуясь спокойной погодой я прочел участникам похода лекцию об Арктике и о цели экспедиции на л/п „Русанов".

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Центральный полярный бассейн и влияние Норвежского моря на гидрологический и ледовой режим северных морей.

Мы пересекали Карское море, гидрологический режим которого, т. е. весь комплекс элементов его, как то: распределение температуры воды, химические и физические свойства ее, течения, ледообразования и прочее зависят в значительной мере от режима центрального полярного бассейна. Я остановился поэтому в своей лекции особенно подробно на характеристике этого бассейна, придерживаясь схемы Нансена, изложенной в его книге о Шпицбергене.

Во время экспедиции „Фрама" в 1893—1896 гг. Нансен открыл глубины в центральном полярном бассейне, доходящие до 4 000 м. Это море было покрыто слоем холодной воды, глубиною до 200 м, который, вследствие умеренного содержания солей плавает на водной массе, находящейся под ним. Небольшое содержание солей поверхностных слоев указывает на то, что они произошли вследствие смешения морской воды с большой массой пресной воды, приносимой реками как Северной Евразии, так и Америки. Меньшее значение имеют для образования пресных вод атмосферные осадки. Эта легкая поверхностная вода течет к югу и влечет за собою полярный лед, главным образом в пространстве между Шпицбергеном и Гренландией, где у восточного побережья она образует восточногренландское течение, отклоняющееся вследствие движения Земли вправо.

Эта большая поверхность пресной воды имеет большое значение для образования льда в Ледовитом море, ибо она препятствует нижележащему, более соленому и потому более тяжелому слою воды, проникнуть к поверхности и таким образом сделать ее более теплой. Даже при самых больших охлаждениях поверхностная вода не становится настолько тяжелой, чтобы значительно погрузиться вглубь.

Плавая на поверхности, она двигается холодным слоем, в котором с особой легкостью образуется лед, с каждою зимой становящийся более мощным.

По мнению Нансена, без этого пресного слоя, или если-бы он был менее мощен, образование льда было-бы сильно затруднено и, тогда большие пространства воды были-бы свободны от льда,—климат стал-бы мягче, в особенности зимою, и давление воздуха было-бы меньше, над этим районом, играющим весьма важную роль для циркуляции атмосферы. Тогда-бы изменилась также и сила и направление ветров над северной Европой и Сибирью, и в частности, северное побережье СССР обладало бы более мягким климатом. Наоборот, наростание более теплых слоев воды способствовало-бы их распространению на большие пространства Северного Ледовитого моря. Образование и распространение льда тогда-бы увеличилось, температура воздуха понизилась-бы, давление его увеличилось-бы и климат в северной Европе стал-бы гораздо холоднее.

Понятно поэтому какое значение имеют гидрологические условия в Северном Ледовитом море, также и для условий циркуляции атмосферы в других районах.

Эти поверхностные слои с одной стороны зависят от притока пресных вод, а с другой стороны от притока соленых и более теплых вод с юга. Поэтому эти южные течения следует весьма тщательно изучать.

Исследования Нансена во время экспедиции на „Фраме" показали, что под пресным и более холодным слоем воды, глубины северного полярного бассейна заполнены гораздо более солеными водами. Последние на глубине между 200 м и до глубины 800—900 м являются более теплыми, имеют температуру выше нуля, причем максимальной температуры, местами более 1° выше нуля, достигают на глубине в 300 м. Под этой наиболее теплой полосой воды температура постепенно снижается и на глубине 2 900 м достигает 0,8° ниже нуля, затем по направлению к морскому дну она постепенно повышается. Более соленая вода, в выше указанной теплой прослойке воды, происходит из Норвежского моря и проникает в центральный полярный бассейн при помощи небольшого ответвления теплого атлантического шпицбергеновского течения, которое направляется к северо-западу от Шпицбергена на север и на северо-восток через подводные гряды, находящиеся на глубине 500—700 м.

Теплое норвежское атлантическое течение, которое к северу от Норвегии делится, в своем наиболее глубоком

ответвлении направляется вдоль западной границы континентальной ступени между Норвегией и Шпицбергеном.

Вместе с водными массами восточно-гренландского полярного течения, это атлантическое течение с более теплой и с более соленой водой, образует в море между Гренландией, о-вом Ян-Майен, о-вом Медвежьим и Шпицбергеном, круговое циклоническое движение со многими меньшими центрами.

Теперь является вопрос, что собой представляет глубинная холодная вода, которая заполняет центральный полярный бассейн под более теплым промежуточным слоем воды и откуда она происходит?

В той глубине, на которой она сейчас находится, она должна была-бы скорее становиться теплее, вследствие нагревания от земной поверхности. Охлаждение, следовательно должно происходить с морской поверхности, но так как глубинная холодная вода везде, где бы она ни была встречена, отделяется от холодной поверхностной воды теплым водным слоем, мощностью по меньшей мере в 600 м, то было очень трудно решить откуда этот холодный слой в действительности происходит. Если он вообще зарождается в Полярном море, то он должен был-бы происходить в тех неизвестных частях его, где холодная вода, сравнительно сильно соленая, проникает до самой поверхности, или во всяком случае находится в соприкосновении с наиболее холодным слоем поверхностной воды. Но если даже это принять за истину, то все-же трудно понять, каким образом эта холодная вода не смешивается с более пресным поверхностным слоем, содержащим гораздо меньшее количество солей.

Норвежское и полярное море. Масштаб 1 : 45.000.000. Линии глубин для 1000, 2000 и 3000 м. Стрелки указывают антициклоническое движение холодного глубинного течения и его распространение (по Нансену).

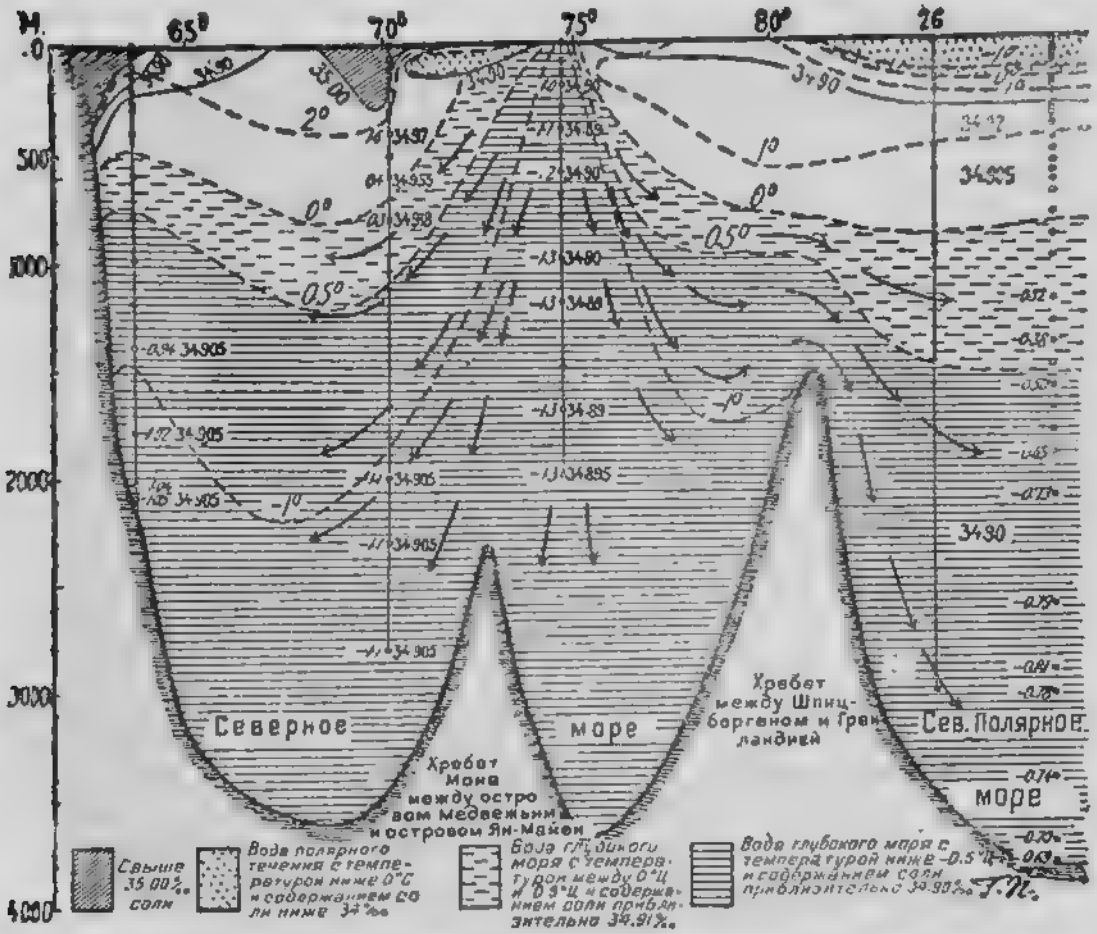
Некоторым покажется весьма неожиданным, что водяные массы в холодных морях по близости от полюса не так легко подвергаются охлаждению. Там, где море покрыто более легким и более пресным поверхностным слоем, последний предохраняет под ним лежащую воду от охлаждения, препятствуя ей подыматься кверху и терять теплоту вследствие испарения, что является первой причиной охлаждения моря. Понятно, что пресная поверхностная вода становится поэтому холоднее. Если море покрыто льдом, то он также действует еще более предохраняюще и в особенности тогда, когда лед покрыт снегом, который препятствует его охлаждению.

При помощи исследований, произведенных после своего путешествия на „Фраме" Нансен мог установить, что очень холодная глубинная вода во всем этом морском районе происходит вследствие охлаждения поверхности моря зимою в тех холодных районах, которые находятся вне района восточно-гренландского полярного течения, где море не покрыто более пресным поверхностным слоем воды. Это происходит, повидимому, в центральном районе циклонического кругового движения, в море, между о-вом Ян-Майен и Шпицбергеном. Здесь поверхностный слой воды зимою состоит из охлажденной воды атлантического шпицбергеновского течения. При посредстве смешения с водой центрального полярного бассейна, она получает содержание соли, равняющееся 34,9 на 1 000. Вследствие отдачи тепла на открытом водном пространстве в течение долгой полярной ночи на широте примерно 75°, здесь поверхностная вода охлаждается до точки замерзания. Она становится поэтому тяжелее, опускается вниз, чтобы дать место более теплым и легким слоям воды, которые подымаются наверх. Но и эта вода затем охлаждается и опускается в глубину, чтобы снова дать место более теплым слоям. Таким образом происходит охлаждение все глубже и глубже, пока самая холодная вода не достигнет дна в то время, как менее холодная, которая таким образом является более легкой, распространится в средних глубинах. Именно вследствие этого весь район Норвежского моря заполнен холодной глубинной водой, повсюду занимающей место под самым верхним слоем теплых атлантических вод. Эта глубинная холодная вода имеет совершенно равномерное содержание соли 34,9 на 1 000 и очень равномерную температуру, которая постепенно и медленно падает с глубиною до 1,2° и 1,3° ниже нуля.

Как мы видели, условием образования этой холодной глубинной воды является поверхность моря, которая зимою

сильно охлаждается и втечение значительной части зимы остается открытой. Как только поверхность воды покроется льдом, сейчас же охлаждение нижележащих слоев воды сильно замедляется.

Другим условием является необходимость, чтобы море было покрыто водой определенной солености, и эта вода во время охлаждения становилась-бы тяжелее, чем нижележащий



Подводный хребет между островом Медвежьим и островом Ян-Майен (по Нансену).

слой. Затем необходимо, чтобы эти слои не были столь теплы, или более теплые слои не должны быть столь мощны, чтобы вся масса воды не могла быть охлаждена в течение зимы до низкой температуры глубинной воды. Затем не должно быть сильной горизонтальной циркуляции между этими промежуточными слоями, которые постоянно приносили-бы массу более теплой воды, что мешало-бы охлаждению до более низких температур.

Все выше указанные условия имеются на лицо в центре упомянутого района циклонического кругового движения поверхностных слоев между о-вом Ян-Майен, Шпицбергеном и Гренландией, центром которого в свою очередь является район, лежащий на 75° с. ш. Гриничского меридиана. Здесь наблюдается лишь небольшое горизонтальное движение средних слоев воды и вследствие давления от циклонического движения, середина завихрения характеризуется подъемом воды к поверхности, и мы находим сравнительно низкие температуры во всех глубинах во всякое время года. В конце зимы господствует температура в 1° ниже нуля, начиная от поверхностной воды до самого морского дна.

Следует принять, что опускающаяся холодная вода из этого района распространяется под теплым слоем в различных направлениях и принимает антициклоническое движение по часовой стрелке, как это указано на прилагающейся карте.

Нансен, таким образом, полагает. что холодная глубинная вода в центральном полярном бассейне образуется сначала в Норвежском море и течет оттуда под более теплым промежуточным слоем, подобно тому, как последний попадает под холодные поверхностные массы воды.

Но серьезным возражением против подобного предположения, казалось бы, являются наблюдения во время экспедиции на „Фраме“, установившие, что содержание соли и температура в глубинной воде центрального полярного бассейна, выше чем в воде Норвежского моря. В то время, как наиболее низкая температура в глубоком слое Ледовитого моря является 0,8°—0,9° ниже нуля, наиболее низкие температуры в глубинах Норвежского моря — 1,3°—1,4° ниже нуля. На основании этого Нансен предполагал ранее, что глубинная вода полярного бассейна совершенно различна от таковой в Норвежском море.

Но это заключение оказалось неправильным. Дело в том, что определения солености во время плавания на „Фраме“ производились несовершенными методами и устаревшими теперь инструментами.

Путем сравнения температур и соленостей, определенных современным способом, в водах к северу от Шпицбергена с таковыми же Центрального Полярного бассейна, Нансен пришел к заключению, что холодные воды последнего имеют соленость 35,906, т. е. такую же, как воды Норвежского моря.

Оставалась, однако, необъясненной разница температур в водах обоих бассейнов.

Тогда Нансен высказал предположение, что наличие более высокой температуры вод полярного бассейна (0,8° — 0,9° ниже нуля) по сравнению с Норвежским морем (1,3° — 1,4° ниже нуля), может быть объяснено существованием подводной высокой гряды между этими водоемами, препятствующей проникновению из Норвежского моря более холодных глубинных масс воды.

Два глубоких водоема должны, таким образом по мысли Нансена разделяться подводным хребтом, который в виде продолжения северозападной части Шпицбергена идет по направлению к Гренландии.

Действительно, открытие Мюлиусом Эриксоном полуострова, далеко уходящего от берега Гренландии в северовосточном направлении подтверждает это предположение. Впоследствии, проф. Свердруп, научный руководитель экспедиции на подводной лодке Вилкинса в 1931 г., своими исследованиями подтвердил существование этого подводного хребта.

Что касается колебаний температуры и солености в теплых полярных течениях, вряд-ли можно приписать их непосредственному действию общей массы льда, который образовался в собственно полярном бассейне и который приносится восточно-гренландским течением. Напротив, они могут находиться под косвенным влиянием распределения давления воздуха и направления ветра в море между Шпицбергеном и Гренландией, которые, в свою очередь, находятся под влиянием ледовых условий. С другой стороны колебания тепла в водяных массах, приносящихся атлантическим течением в Баренцово море, могут оказывать непосредственное влияние на массы льда, которые образуются в этом неглубоком море. Это влияет в свою очередь, вследствие изменений в распространении над открытой водой, на распределение давления воздуха и, таким образом, в связи с другими причинами, на условия собственно полярного бассейна. Отсюда мы видим, что эти вопросы имеют весьма серьезное значение.

Чтобы узнать происходящее в водяных слоях моря в данный отрезок времени, наше стремление должно быть направлено на то, чтобы измерить скорость и направление движения течения на различных глубинах, чтобы проследить изменения, как в течение одного дня, так и более долгого периода.

Еще в 1902 г. Нансеном было выдвинуто положение, что влияние движения Земли, на основании которого направление течений в северном полушарии должно отклоняться направо, должно быть правильным для тех течений, которые возникают вследствие трения, и что это правильно как в воздухе, так и в самом море. Поэтому, если, например, ветер вследствие трения воздуха о поверхность моря вызывает на поверхности его какое-либо течение, то оно должно отклониться от направления ветра вправо, а в южном полушарии—влево. Если поверхностное течение в свою очередь вызывает движение воды под ним вследствие наличия трения, то направление последнего течения должно отклониться от направления поверхностного течения также вправо. Течение этого второго слоя в свою очередь, вследствие трения, вызывает течение лежащего под ним слоя, т. е. третьего слоя, этот также еще больше отклонится вправо, это явление продолжается во всех слоях до самого дна. Вследствие этого различия в направлении течение, произошедшее вследствие трения, никогда не может принимать такую скорость, как слой воды лежащий над ним. Подобно тому, как с глубиной изменяется направление течения, точно также будет уменьшаться и скорость его. Поэтому мы можем ожидать, что на определенной глубине течение идет в противоположном направлении того ветра, который его вызвал, конечно, с меньшей скоростью. На большей глубине мы можем ожидать, что направление течения может обойти окружность вокруг одной точки и вернуться к своему прежнему направлению, причем, конечно, скорость будет весьма незначительна. Вот почему особенно важно, чтобы измерения температуры, а также направления течений велись одновременно в нескольких слоях.

Воззрения Нансена окончательно опрокинули целый ряд теорий, на основании которых старая океанография решала проблему морских течений, в частности касающуюся движения течений, которые образовывались на поверхности вследствие ветров и при помощи трения о нижележащие слои. Считалось, что оно переходит яко-бы, на все нижележащие массы воды, таким образом, что в конце образовывалось движение в том же самом направлении, как и в поверхностном слое воды. Нансен доказал несостоятельность этой теории, указав что существует другой фактор, который играет гораздо более серьезную роль, а именно влияние движения Земли вокруг своей оси.

Само собою разумеется, что при учете изменения этого движения вод, следует учесть и влияние приливных течений.

К указанному движению присоединяются также постоянные течения на поверхности, которые в данном случае идут почти в обратном направлении приливной волне.

Вертикальное колебание водяных слоев может быть обусловлено глубинными волнами, которые образуются на границе между поверхностью воды и воздухом, где разница между плотностями гораздо больше и где волна тем меньше, вследствие своей тяжести. Глубинные волны могут достигать значительных высот 40—50 м. Волны становятся тем больше, чем слабее разница плотности между отдельными слоями, причем одновременно уменьшается скорость, с которой они движутся вперед. Такого рода волны вызывают неравномерное движение других течений.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На острове Диксоне. — Остров Свердрупа. — Могила Тессема. — Остров Уединения. — Открытие неизвестных островов. — Что представляет собою Карское море.

В 10 ч. 30 м. 6 августа Русанов" вошел в бухту о-ва Диксона. Здесь уже стоял на якоре „Сибиряков", в ожидании норвежского парохода, который для обоих ледоколов должен был доставить уголь.

Остров Диксон, расположенный в устье р. Енисея, был так назван известным шведским путешественником А. Норденшельдом во время его плавания на „Веге". Тогда эти места считались недосягаемыми и Норденшельд был первым западноевропейским путешественником, посетившим их. И действительно, в то время весь этот обширный край был незаселенной пустыней. Сейчас на острове Диксон мощная радиостанция. В отличие от других арктических станций на этом острове обслуживающий персонал живет семейно, с женами и детьми. На острове большое хозяйство, скот, собаки. Коров здесь даже пасут и дважды в день пригоняют на станцию для удоя. Как это на первый взгляд ни странно, летом имеется ледник для провизии. Завезенные сюда восточно-сибирские собаки прекрасно выглядели — были свежи, крепки и ласковы. Библиотека на рации, к моему удивлению, оказалась очень скудной и разрозненной.

Хозяйственная организация „Комсеверпуть" [1] развивает здесь белуший промысел и построила даже небольшую мастерскую для производства колбас из мяса белухи. Должен признаться, что на вид эта колбаса весьма не казиста, но на вкус, как уверяли некоторые, совсем не плоха.

Белуху ловят крупно-ячеистыми сетями. Промысел этот очень капризен, при этом промышленники должны быть

[1] В настоящее время „Комсеверпуть" входит в состав Главного управления северного морского пути при СНК СССР.

очень опытными ловцами. А между тем среди них только небольшую часть составляли поморы, остальные же были сибиряки, мало привычные к такому делу. Не этим ли объяснялся не совсем удачный лов белух в этом районе? В то время как в 1930 г. было поймано 135 штук, ко времени нашего пребывания насчитывалось только 9 пойманных белух.

Пароход с углем для ледоколов должен был притти только 9 августа, поэтому на совещании, состоявшемся на „Русанове", в котором принимали участие О. Ю. Шмидт,

Собачий городок на острове Диксо́н.

В. Ю. Визе, я и другие, решено было использовать свободное время и отправиться двум кораблям параллельными курсами к о-ву Свердрупа с тем, чтобы по пути вести гидрологические и другие работы.

После вкусного обеда наши гости, участники совещания, отбыли на „Сибиряков". Кок наш изготовил обед на славу,— дело в том, что он прослышал о плохом искусстве „сибиряковского" повара, поэтому приналег и действительно не ударил лицом в грязь. „Сибиряковцы" усиленно просили „отпустить", „уступить" им нашего кока с тем, что они своего передадут нам. По понятным соображениям мы на это заманчивое предложение не пошли.

7 августа оба корабля вышли к острову Свердрупу (см. карту). По пути и обратно было сделано „Русановым" и „Сибиряковым" по 8 станций [1] гидрологических и гидробиологических. К утру 8 августа показался остров Свердруп. Этот остров был открыт в 1893 г. Нансеном на „Фраме", но никто еще на нем не был.

В 1930 г. самолет „Комсеверпуть 2" летал над о-вом Свердруп, летчик-наблюдатель В. Вердеревский сделал его зарисовку. Второй раз над ним пролетел самолет „Комсеверпуть 3" с летчиком наблюдателем Лаппо. Мы подошли к нему с юга. Подход здесь безопасен и якорь был брошен на глубине 16 м, в расстоянии полумили от берега. Тотчас же группа научных сотрудников высадилась на берег. У западного берега видно было большое количество кос и отмелей.

Остров сложен из песчаноглинистых моренных отложений и флювиоглациальных осадков.[2] На поверхности их были видны в большом количестве валуны. Остров невысок и наибольшая высота его не превышает 50 м.

У берегов его, в особенности с южной стороны, наблюдалось большое количество плавникового леса, несомненно занесенного сюда водами сибирских рек.[3]

Зимний снег совершенно стаял и на верхнем слое песчаных берегов можно было видеть большое количество следов белого медведя, песца и даже оленя. Но не́ только следы зверя замечены были на берегу. Участники обоих экспедиций видели за этот день не менее 20 белых медведей. Создавалось такое впечатление, что властелин полярной природы избрал этот остров своей резиденцией и свободно разгуливал по нему, нисколько не смущаясь случайным присутствием на нем людей. И, как бы раздраженный нарушенным покоем, один из медведей позволил себе весьма недвусмысленные действия, не оставлявшие сомнения в его злостных намерениях.

Дело было так.

Геолог Аллер, геофизик Фокидов и я вышли на исследования, причем у нас троих было взято только две

---

[1] Станциями называются остановки экспедиционных кораблей в заранее намеченных пунктах для производства разного рода научных исследований.

[2] Т. е. отложения ледников и талых вод, которые покрывали весь этот район во время последнего оледенения.

[3] Сибирский лес, выносимый реками в океан, уносится затем морским течением и выбрасывается к берегам весьма далеко от них отстоящих арктических островов, как-то Шпицбергена, Земли Франца-Иосифа, Новой Земли и др.

винтовки. Я оставил их моим спутникам, сам же пошел со своим обычным оружием, — геологическим молотком, на пересечение острова. Я дошел до северного его побережья, и встретился с высадившимися там „сибиряковцами". Их охотник, абхазец Чачба, только что убил белого медведя, из мяса которого они собирались жарить шашлык — своего рода Кавказ в Карском море! В их трапезе я не мог принять участие, ибо торопился обратно. Через 12 ч. я

На острове Свердрупа. На горизонте виден л/п „Русанов".

снова был на южном берегу. Меня уж ждала там команда судна с приготовленным стальным советским флагом для водружения его на острове. Он имел такую надпись:

С.С.С.Р.
$19\frac{8}{VIII}32$
„Русанов"

Я считал своим долгом и формально закрепить за Советским Союзом этот остров, который до нас никем не был посещен.

Когда же я вернулся на корабль, мне рассказали следующую историю, приключившуюся с Аллером.

Вскоре после того, как я покинул его и Фокидова, Аллер, увлекшийся геологическими сборами, не заметил, как к нему подобрался белый медведь. Случайно оглянувшись, он увидел в 100 шагах от себя медленно приближавшегося зверя. Аллер прицелился, нажал курок, но произошла осечка, тем временем медведь уверенно шел к Аллеру. Тот зарядил винтовку, выстрелил — опять осечка. А медведь все ближе и ближе. Наконец, Аллер почти вплотную нацелился, но винтовка дала осечку в третий раз. Тогда, не растерявшись, геолог схватил ружье за дуло, прикладом ударил несколько раз медведя по голове, а затем принялся бежать. Медведь за ним, и плохо пришлось бы Аллеру, если бы не случился здесь Фокидов, который и убил медведя.

Наша команда с корабля наблюдала эту сцену, и впоследствии острила, что Аллер на дистанции в 500 м установил во время своего поспешного бега бесспорно мировой рекорд скорости.

В тот же день мы имели к столу чудесные бифштексы из медвежатины.

За время нашего пребывания на острове Свердруп Н. Н. Колчиным (с „Русанова") и Дмитриевым (с „Сибирякова") была произведена съемка острова, а Г. Я. Гаккель определил астрономические координаты, которые по вычислении оказались 74°32,6′ с. ш. и 79°30,5′ в. д.

9 августа мы вернулись к острову Диксон, а на следующий день прибыл долгожданный пароход „Вогланд" с драгоценным для нас углем. Оба наши корабля немедленно стали („Русанов" с правого, „Сибиряков" с левого борта его) под погрузку. Загудели, завертелись лебедки и пошла работа по бункеровке угля. Всем скорее хотелось выйти в море.

Пока шла погрузка, я отправился осмотреть наш трюм, где были погружены продукты, экспедиционное снаряжение и пр. Тут же в трюм ко мне спустился летчик-наблюдатель А. Д. Алексеев, полное круглое лицо которого я в темноте и не признал сначала, хотя прекрасно помнил его по походу „Красина" 1928 г., когда он летал на нашем самолете. Алексеев, намеревавшийся совершить полет к Северной Земле, просил обеспечить его полет горючим на острове Диксон, мысе Челюскина и острове Каменева. Я охотно дал свое согласие, ибо придавал большое значение этому предприятию.

В день выхода я и капитан Ерохин отправились на могилу норвежца Тессема, участника экспедиции Амундсена на „Мод“. К нам затем присоединились О. Ю. Шмидт, капитан В. И. Воронин и В. Ю. Визе. Одинокий крест, сооруженный из плавника, стоял на правом берегу Енисея. На кресте была прибита дощечка с надписью:

Tessem
† 1920
m/s Maud
Norge

т. е. „Тессем, Ум. 1920. Судно „Мод“, Норвегия“. С обратной стороны надпись указывала, что крест сооружен норвежским судном „Veslekari“ в 1924 г.

Этот крест говорил об одном из трагических случаев в Арктике, которых, увы, все еще так много.

Водружение флага на острове Свердруп.

Два участника экспедиции Амундсена на судне „Мод“, зазимовавшей у северовосточного берега Таймырского полуострова, матросы Тессем и Кнюдсен, решили ее покинуть. 12 сентября 1919 г. они вышли пешком, имея намерение достигнуть радиостанции на острове Диксон, идя вдоль западного побережья Таймыра.

Амундсен передал с ними отчеты и карты своей экспедиции для доставки их затем в Норвегию. Когда в 1920 г.

о матросах не поступило никаких известий, из Норвегии было послано судно „Хеймен", которому с нашей стороны был дан в помощь известный Бегичев. Последний и капитан Якобсен нашли на мысе Стерлегов (88° 55′ в. д.) норвежские карты, а на мысе Приметном (88° 21,5′ в. д.) остатки сгоревшего человеческого трупа, повидимому одного из ушедших матросов, кроме того обнаружены были инструменты, патроны норвежской винтовки и пр. Только в 1922 г.

Могила норвежского матроса Тессема.

геологу Н. Н. Урванцеву, занимавшемуся тогда геологическим исследованием Пясино-Енисейского района, удалось в расстоянии 90 км от острова Диксон обнаружить 22 различных предмета, принадлежавших Тессему, в том числе письма и съемки, дневники и пр. Идя далее по направлению к радиостанции, Урванцев наткнулся на труп Тессема, лежавшего всего в 3-х км на восток от радиостанции острова Диксон. Не было сомнений, что несчастный матрос в полном истощении сил свалился почти у самого места своего спасения и здесь погиб от холода и голода. Все найденные документы были посланы впоследствии в Осло.

Молча мы бродили вокруг печальной могилы, расположенной у светлой воды могучего Енисея.

„Как обидно за человека, — думал я, — погибнуть дойдя с такими трудностями почти до самой цели. Бедняга, потерял, повидимому, остаток своих сил, если не мог доплестись еще пары километров, которые отделяли его от жарко натопленного, освещенного электричеством дома, где ждало его участие, человеческая помощь и горячая пища".

— Не так ли и с нами может случиться, хотя мы и будем у самой цели? — полувопросительно промолвил один из моих спутников.

Погрузка угля. Справо налево „Сибиряков", „Вогланд", „Русанов" и бот „Комсеверпути".

Я ничего не ответил. Сорвав несколько ласковых голубых незабудок, ютившихся у самого темного скалистого берега, я бережно положил их на могилу многострадального норвежского матроса.

Когда мы вернулись на „Русанов", там уже заканчивалась погрузка угля. На корабле царил дух бодрости и напряженной работы. Верхняя команда, все здоровые, крепкие ребята, один к одному, весело и ловко крепили палубный груз, принайтовывали бочки, шлюпки, быстро и тщательно покрывали брезентом люки.

Нам нужно было сдать горючее и перед самым выходом в море к борту подошел парусно-моторный бот „Бурный".

На узком мостике показался „капитан", типичный черноморец с южным акцентом.

— А что это у вас за рыба вывешена на вантах, — спросил он одного из наших ребят.

Какая? Эта? — удивился помор. — Да ведь это треска.

Треска? А где она ловится? — спросил опять капитан.

Вот чудак! Не знаешь где, — в кооперативе, — обозлился матрос, задетый за живое, что капитан судна, плавающего на севере, не знает, что такое треска и как ее промышляют.

11 августа в 20 ч., груженый до отказа „Русанов" вышел в море, взяв курс на остров Уединения.

О-в Уединения, или вернее остров Одиночества был открыт норвежцем Эд. Иоганнесен на парусном судне „Норланд". Иоганнесен, выйдя из Норвегии 22 мая 1878 г. посетил 6 июня Гусиную Землю на Новой Земле и достиг северной оконечности этого острова 22 июля. Отсюда повернув назад пошел сначала на запад, а потом на север. 10 августа Иоганнесен направился на восток по Карскому морю между 76° и 77° с. ш. Не встречая в пути льда, он 16 августа увидел побережье полуострова Таймыр, находясь невдалеке от судов, „Вега" и „Лена" экспедиции Норденшельда. Под 77° 31° с. ш. и 86° в. д. от Гринича, он открыл 28 августа 1878 г. остров, прозванный им остров Одиночества (Уединения), однако, на него не высаживался. Отсюда Иоганнесен поплыл к северу, достиг 78° с. ш., миновал мыс Желания и 12 сентября прибыл в Норвегию.

Первая высадка на этот остров была совершена 31 августа 1915 г. д-ром Тржемесским, участником экспедиции „Эклипс". По сведениям этой экспедиции остров имеет около 18 км в длину и около 7 км в ширину. Западный берег острова крутой и возвышенный, подымается до 60 м над у. м., к востоку острова простирается низменность. На западном и южном берегах замечены были пласты каменного угля. Растительность на острове весьма скудна, плавника замечалось очень мало.

За недостатком времени мы не собирались высаживаться на этот остров, мне хотелось лишь определить точнее его местоположение, правильность которого на современных картах была сомнительна. Однако остров Уединения не был нами усмотрен. Повидимому, он лежал в стороне от нашего курса.

„Русанов" спокойно продолжал свой путь, когда совершенно неожиданно в 9 ч. открылся по курсу корабля неизвестный остров.

Неоднородные ощущения в таких случаях испытывают начальник экспедиции и капитан корабля. В самом деле, для путешественника или исследователя открытие неизвестных островов и земель представляет величайшую радость, являясь источником новых научных наблюдений. В сердце же моряка новый остров возбуждает, прежде всего, тревогу за безопасность корабля. Ведь самым опасным при плавании в море является подход к суше, к берегам, в особенности же неизвестным,— здесь можно ожидать всяких неприят-

Плавник на правом берегу Енисея.

ностей—мелей, подводных или надводных камней, угрожающих безопасности корабля. С другой стороны у капитана возникает сомнение в правильности курса,—течения этого моря мало изучены, быть может корабль сдрейфовало (отнесло) восточнее, где известны так называемые шхеры Минина, являющиеся очень опасными для плавания. Надо в таких случаях взвесить самые различные обстоятельства, чтобы в заключение решить, что встреченный остров является действительно островом до того неизвестным. Морская практика знает не мало случаев, когда „открывали" уж давно нанесенные на карту земли и острова.

Порывы ветра разряжали время от времени туман и тогда неясно вырисовывалась группа островов, состоявшая, повидимому, из трех островов. Счислимое [1] место корабля было 75°04′ с.ш. и 81°47′ в.д.

Острова, вытянувшиеся с СЗ на ЮВ примерно на 25 м казались с корабля плоскими и невысокими, не превышающими высоты 30—40 м над уровнем моря, сложены, вероятно, песчаными отложениями. Самым большим островом казался северный. На запад и юго-запад в расстоянии 2—3 миль [2] от него тянулись отмели. Из-за тумана мы не могли хорошенько рассмотреть острова. Таинственной полосою тянулись они к горизонту, пустынные и необитаемые.

Не имея возможности дольше задерживаться здесь, мы осторожно обошли неведомую землю с запада, со спущенным в воду якорем. Делается это для того, чтобы обнаружить приближение корабля к мелкому месту, за которое спущенный в воду якорь на глубину 15—20 м обязательно заденет и тем предупредит о грозящей опасности. Впрочем, как я уже говорил, у нас был установлен эхолот, который прекрасно действовал и регулярно давал нам глубины.

Капитан, однако, не очень то ему доверял, в особенности первое время.

— А вдруг соврет? — говорил он. Якорь-то надежнее, этот уж не обманет.

Столь недоверчивым отношением капитана к эхолоту наш „эхолотчик" Карасев был оскорблен в своих лучших чувствах. Как, в самом деле, не доверять „последнему достижению науки и техники"! И молодой, способный техник, беззаветно простоявший на эхолоте весь наш поход, добился таки своего, — уже через короткий промежуток времени все признали, и наши моряки в первую очередь, безукоризненную работу и огромное значение для навигации эхолота.

Пошел мелкий дождь, который еще более ухудшил видимость и „Русанов" буквально ощупью продвигался вперед. Но то был день открытий.

Не прошли мы и пятидесяти миль на ССВ, как по носу корабля (в 17 ч. 50 м.) снова показался остров, на этот раз с крупными скалистыми берегами, высотою до 80 м. Размера его не было возможности установить с точностью, так как юговосточный конец его был закрыт плотной пеленой тумана. От северозападного побережья отделялись две

[1] Счислимым местом называется место нахождения корабля, получаемое прокладкой на карте курса корабля при учете скорости его продвижения.

[2] Миля — 1,75 км.

скалы, а в юго-западном направлении видна была подводная отмель. В расстоянии трех миль от него на ЮЮВ глубина была 50 м. Счислимое место корабля было 75° 48′ с. ш. и 81°20′ в. д.

Неуютное было здесь место. Рифы, камни, мели, неожиданные острова, при том надоедливый мелкий дождь с туманом, буруны кругом.

Мы пытливо рассматривали в бинокль окружающую местность. Ни одного живого существа. Только при подходе

Река на острове Свердрупа.

к островам видели много птицы, — чистиков и крачек. А берега первого встретившегося нам острова были усеяны плавником. Один из научных сотрудников утверждал, что он видел на одном из островов движущуюся фигуру. Не олень-ли то был?

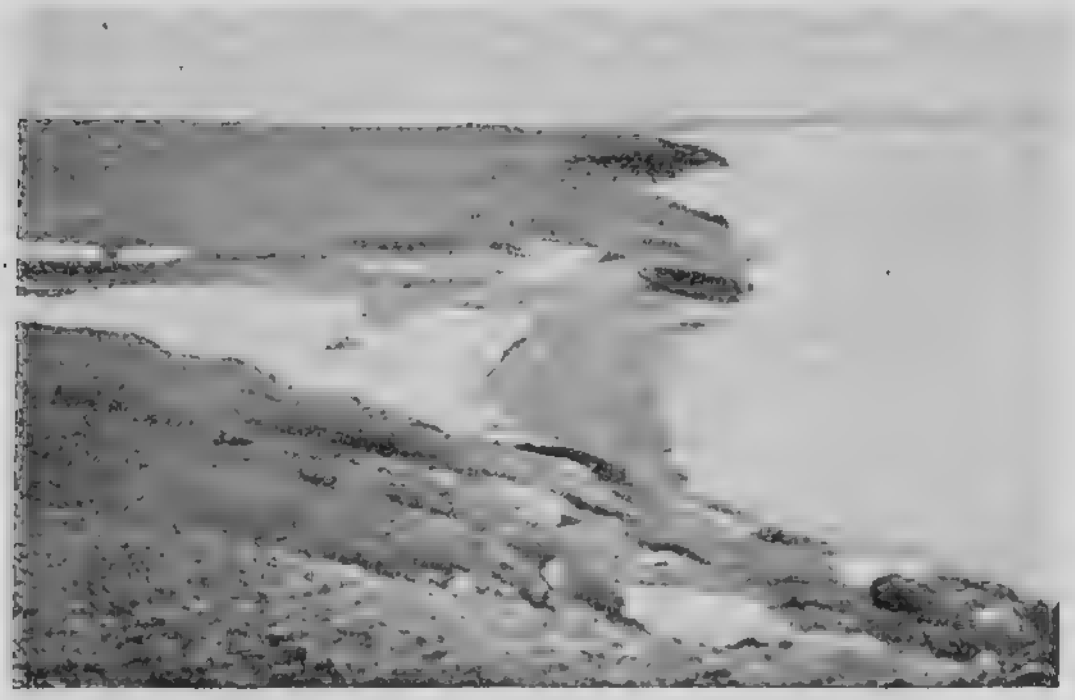
Без сожаления расстались мы с пустынными, угрюмыми островами. Все наши помыслы были связаны с дальнейшим плаванием. Пока мы шли по чистой воде. Что-то будет дальше?

Но к нашему немалому удивлению, мы не встретили льда до самой Северной Земли. Ни одной льдинки не видели! И это в том самом районе, где в 1930 г. во время похода на „Седове", мы с такими огромными трудностями бились со льдом!

Мы входили в северную часть Карского моря, которое представляет собою водное пространство, отграниченное с юга азиатским берегом от Югорского Шара до мыса Челюскина, с востока западными берегами Ямала и п-ова Таймыра, с запада — о-вами Вайгач и Новая Земля, с севера же условной границей является линия, соединяющая мыс Желания (северный мыс Новой Земли) с северной оконечностью Северной Земли. С Баренцовым морем Карское море соединено тремя исследованными в настоящее время проливами— Югорским Шаром, Карскими Воротами и Маточкиным Шаром. С севера оно соприкасается непосредственно с северо-восточными водами Баренцова моря. На востоке проливом Вилькицкого Карское море соединяется с морем Лаптевых. Наименьшие глубины в 21-42 м* Карское море имеет у западных берегов п-ова Ямала. К западу от этой полосы малых глубин море достигает глубин 150—190 м. Вдоль берегов Новой Земли тянется обширная впадина шириною до 40 миль с глубинами свыше 340 м. Эта впадина севернее параллели Маточкина Шара имеет два более глубоководных района с глубинами в 430 — 640 м. Распространение солености поверхностных слоев Карского моря не является постоянным и подобно температурам подвергается колебаниям в зависимости от течений, ветров, ледовых условий и пр. Приливная волна в Карское море входит с севера, имея полусуточный характер. Амплитуда колебаний невелика и в общем не превышает 45 — 75 см. Господствующее поверхностное течение опресненных вод из Обской губы и Енисейского залива направляется на север и северо-запад и разделяется севернее Маточкина Шара на две ветви, из которых одна идет вдоль восточных берегов Новой Земли на юг и известна под именем новоземельского течения, другая поворачивает к северо-восточному и сливается с водами Северного Ледовитого моря. Скорость новоземельского постоянного течения, поворачивающего у южных берегов Новой Земли на восток, равняется 1,5 — 2 милям (2,8 — 3,6 км) в сутки. Скорость же ямальского течения, идущего вдоль западных берегов Ямала на север,—около полумили (0,9 км) в сутки. Дрейфовые течения подвергаются вероятно значительным колебаниям, уклоняясь обычно вправо от направления ветра. Величину приливо-отливных течений можно допустить до полумили (0,9 км) в средней части Карского моря.

Бо́льшая часть льда, встречающегося в Карском море, образуется под влиянием местных причин, главным образом от охлаждения поверхности моря в зимнее время, так что

количество льда в Карском море подвергается ежегодным колебаниям. Но даже зимою, подобно другим полярным морям, Карское море не покрывается сплошным неподвижным покровом льда. Ледообразование наблюдается лишь у берегов, остальная часть Карского моря бывает заполнена обширными ледяными полями, которые, под влиянием течений и ветров, то сжимаются и сплошными массами занимают большие площади моря, то разъединяются каналами, трещинами и обширными полыньями. Толщина льда под влиянием отрицательных температур достигает



Правый берег Енисея у острова Диксон.

наибольшей величины к концу мая — началу июня, причем средняя максимальная толщина льда достигает 1—1,5 м. Торосистый или набивной лед достигает даже в летнее время мощности от 2 до 4 м, а в северных частях моря и больше.

Общая продолжительность навигации в Карском море 2—2,5 месяца (в 1930 г.—77 дней), от начала августа до конца сентября—начала октября, а в некоторые благоприятные годы до середины октября. В начале навигации, если лед не находится в сплоченном состоянии, таяние его идет быстро, и он разрушается на ряд более мелких образований, и ко второй половине навигации, иногда к концу ее, одно-

годовалый лед (не набивной и не торосистый) обычно весь исчезает в южной половине моря. Торосистый же и набивной лед так же, как и более мощный двухгодовалый, частично растаивает или уносится в более северные районы Карского моря, где толщина однолетнего льда бывает около 25—35 см. В любой период навигационного времени льды могут быть встречены в Карском море, однако, они не заполняют всей площади моря, оставляя значительное пространство свободной от льда воды, так что на пути судов в навигацию некоторых годов лед встречается в незначительном количестве. Находясь в первую очередь под влиянием ветров, а затем и течений и температурного режима, главные ледяные массы скапливаются по преимуществу у восточных берегов Новой Земли. В первой половине сентября лучше проходимым в ледовом отношении путем является путь от Югорского Шара к Ямалу и затем вдоль западного побережья этого п-ва на север. Во второй же половине сентября благоприятные условия для плавания через Маточкин Шар и вокруг мыса Желания увеличиваются. В 1930 г., впервые в истории коммерческого мореплавания, прошли этим путем два судна, и лишь по случайным причинам не было проведено большее количество кораблей.

До 1929 г. суда карских экспедиций шли одним караваном, разделяясь лишь у острова Белого для дальнейшего следования в реки Обь и Енисей, причем в Карском море лед обычно не форсировался ледоколами. Суда придерживались по возможности чистой воды. С этого года (1-ый год пятилетки), в виду значительного увеличения количества судов и невозможности одновременной перегрузки, были применены новые методы проводки судов. Полярные льды форсируются ледоколами, а для ледовой разведки служат мощные самолеты типа „Дорнье-Валь“ (в 1929 году— один, в 1930 году —три). Самолеты при разведочных операциях связаны по радио как с базисным кораблем, так и с другими радиостанциями. При проводке судов широко применяется радиопеленгование (определение положения судов по силе применяемой радиоволны). В настоящее время, кроме упомянутых радиостанций (Югорский Шар, Вайгач, Маре-Сале, Диксон) карские экспедиции обслуживаются радиостанциями Маточкин Шар, Усть-Порт, Новый Порт, Игарка и мыс Желания. Большое значение имеет также связь со станциями на Земле Франца-Иосифа и на Северной Земле.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На Северной Земле. — Рассказ зимовщиков. — Морской заяц. — Белый медведь.

14 августа „Русанов" полным ходом подходил к Северной Земле. Справа показался остров Самойловича, открытый экспедицией на „Седове" в 1930 г. Я совсем не был горд „своим" островом — непривлекателен и безжизнен был он. Пока мы его проходили, надо мной потешались: — остались, мол, еще „помещики" в СССР, владельцы „своих" земель.

По воде, свободной ото льда, мы подошли к о-вам Сергея Каменева. Они были открыты нами также на „Седове" в 1930 г. Подойдя к ним летом того года, мы оказались в крайне затруднительном положении,—нагромождения мощных торосов льда не давали нам возможности подойти близко к берегу. „Седов" приблизился к кромке льда и мы пешком, преодолевая ледяные нагромождения, добрались до берега.

Где же строить радиостанцию? Решили пройти еще далее. По счастию значительная полынья (пространство чистой воды) открылась на горизонте. Корабль направлен был в ту сторону. Пробиваясь в тяжелых льдах, наконец, подошли к острову, которому дано было имя С. С. Каменева. Здесь в четверо суток был построен небольшой дом и сарай и оставлена партия зимовщиков, состоявшая из 4-х человек.

Это было два года тому назад, а теперь мы пришли их сменить.

14 августа в 22 ч. мы бросили якорь у острова Каменева, не встретив, таким образом, от о-ва Диксона до Северной Земли, ни одной льдины. Какая разительная перемена по сравнению с тем, что мы видели здесь два года назад, когда все море загромождено было торосами. Там, где ныне „Русанов" бросил якорь, мы тогда ходили на лыжах.

Еще при подходе „Русанова“ было в бинокль заметно, как на берегу четыре человека забегали у шлюпки. Вот она уж на воде, шум мотора гулко отдавался в море. На борту „Русанова“ сгрудилась команда в ожидании зимовщиков. Молча поднялись они по трапу, — все четверо: крепкий и серьезный, скромный, слегка улыбающийся Ушаков, оживленный Урванцев, шумный сорви-голова Журавлев и молодой, стесняющийся и молчаливый Ходов. Они выглядели прекрасно, и не подумать было, глядя на них, о тех трудностях, которые ими были перенесены. А между тем все они, в особенности Ушаков и Урванцев, проделали за два года своего пребывания на Северной Земле, иногда при самых тяжелых условиях, совершенно исключительную по своему научному и практическому значению работу.

Вот что рассказали нам Г. А Ушаков и Н. Н. Урванцев.

„За время своего двухлетнего пребывания на Северной Земле нами были сделаны 5 больших маршрутов на собаках и ряд вспомогательных, более коротких, на собаках, на лыжах и пешком. За это время было пройдено всего 3000 км, из которых с производством маршрутных съемок было пройдено 2221,4 км. При этом, однако, надо иметь в виду, что за 2 года было всего 152 дня полевой работы. Иногда, вследствие тяжелого пути удавалось продвигаться за переход, лишь несколько километров, в другие же дни, при более благоприятных условиях, проходили по 50 — 90 км и больше со съемкой и геологическими наблюдениями.

„Во время маршрутных съемок на остановках производились также астрономические наблюдения. Среднее расстояние между пунктами равно 79 км. Всего астрономических пунктов было 12, а площадь, заснятая маршрутной съемкой, равняется 36 712 км.

„Кроме маршрутных топографических съемок, вокруг радиостанции на островах Каменева была произведена инструментальная съемка. Помимо этих работ велись также магнитные наблюдения и изучение приливов. Кроме того были собраны богатые фаунистические и флористические коллекции.

„В результате этих работ выяснилось, что Северная Земля представляет собой архипелаг, состоящий из 4-х крупных и многих мелких островов. Наибольшим островом является средний остров Октябрьская Революция, который отделен проливом Красная Армия от небольшого острова Пионер и другого острова Комсомолец. Южный берег острова Октябрьская Революция омывает пролив Шокальского, отделяющий его от южного острова этого архипелага Большевик.

„Наибольшие высоты этого архипелага достигают 700 м над уровнем моря. Приподнятая часть среднего острова Октябрьская Революция затем постепенно снижается к югу и к северу архипелага. Лишь западный берег острова Боль-

Два северных промышленника—Яша Ардеев (налево) и Серёга Журавлев.

шевик, обращенный к проливу Шокальского имеет высокие, обрывистые берега, вышиною до 400 над уровнем моря.

„Гидрографическая сеть Северной Земли развита слабо. Наблюдались реки по преимуществу у западного побережья Октябрьской Революции. Характерно образование, так назы-

ваемого „форланда", т. е. прибрежной равнины, которая особенно часто встречается у западного берега".

Как мне удалось наблюдать во время полета из дирижабля „Граф Цеппелин" в 1931 г. оледенение Северной Земли является весьма интенсивным, хотя формы его носят различный характер. Оледенению подвергались все три острова, причем наиболее мощному подвергся самый северный из них. Сплошное материковое оледенение распространено, главным образом, в северной части острова Комсомолец. Остальные острова покрыты куполообразными ледниковыми покровами, от которых распространяется ряд долинных глетчеров, доходящих в особенности в северо-восточной части островов до самого моря.

Мощность ледникового щита невелика, достигая максимума в северной части Земли. По расчетам Н. Н. Урванцева суммарная площадь, занятая ледниками, достигает 15,181 кв. м, что составляет 41,7 % всей площади. Весь характер оледенения говорит о том, что оно значительно сокращается и ледники отступают.

По наблюдениям Н. Н. Урванцева архипелаг сложен из кварцев, сланцев песчаных и глинистых, песчаников, известняков, среди которых наблюдается ряд выходов изверженных пород, габбро и габбродиабазов. По возрасту эта свита принадлежит к самому древнему геологическому периоду,—протерозою, палеозою, (нижнему, среднему и верхнему кембрию, нижнему и верхнему силуру, тунгузской свите, которая в свою очередь покрыта морскими осадками и ледниковыми отложениями четвертичной эпохи).

Тектоника Северной Земли, весьма сложна. На острове Октябрьская Революция была наблюдаема Урванцевым значительная дислокация и образование прихотливо изогнутых складок, погружающихся на западную сторону, в северной части на юго-восток, а в южной части на северо-запад. На острове Большевик свита образована одной огромной антиклинальной складкой, общего простирания около 20°. Ось главной складки проходит почти по середине острова, несколько ближе к его восточному краю.

Кроме уже упомянутых изверженных пород наблюдаются интрузии гранитов в свите сланцев, с чем связаны кварцевые жилы, содержащие пирит, халькопирит и свинцовый блеск.

Процесс оруденения наблюдается также в основной породе габбродиабазах. Встречаются вкрапления магнетита и вкрапления сульфидов: пирита, пирротина и медного колчедана.

Мы поняли, таким образом, что работы североземельцев не только дают возможность с достаточной точностью нанести архипелаг Северной Земли на карту, но, что в особенности важно, выяснить ее геологическое строение, а также связь с Таймырским полуостровом и северным побережьем Азиатского материка.

После сообщения зимовщиков в кают-компании был сервирован прекрасный ужин, мы усадили дорогих гостей наших на почетном месте. Их закидывали десятками во-

Северная Земля. Собачья упряжка.

просов. Люди, жившие оторванными от всего мира втечение двух лет, охотно и одинаково терпеливо отвечали и на дельные, а иногда и на праздные вопросы. Всех покрывал своим звучным голосом Серёга Журавлев, человек огромного роста. Казалось, ему тесно было в нашей каюте. Ему, привыкшему мчаться на собаках сотни километров по снежной пелене бескрайных северных пустынь, было действительно мало места.

— Эх, старина, — кричал он мне, будто мы находились в тундре, в погоду, — тяжеленько было иногда, а все же не подкачали.

Да, вправду, — не подкачали. Я с бокалом в руке кратко приветствовал наших дорогих друзей, — не до речей было, да и не хотелось никакой торжественности. К этим людям она совершенно не подходила. Я замечал, как многие, в особенности новички, с любопытством смотрели на зимовщиков и, будто говорили: „так вот этот-то и есть Ушаков".

Ценные советы давали своей смене зимовщики о собаках, о характере будущей работы, указывали на весьма важные „мелочи", т. е. то самое ценное, что можно почерпнуть только из своего тяжелого опыта.

Тотчас же началась выгрузка для новых зимовщиков. Их также было четверо, но на этот раз Арктический институт проделал смелый опыт, — во главе партии он послал женщину — Нину Петровну Демме, кончившую географический факультет Ленинградского университета и уже зимовавшую на Земле Франца-Иосифа. Радист Иойлев, метеоролог Зенков и каюр Мирович были ее спутниками.

Пока шла выгрузка, я с некоторыми товарищами съездил на берег. Все здесь носило характер обжитой земли, новый сарайчик для мяса, корридор из фанеры между домом и сараем говорили о том, как люди старались улучшить условия своей жизни и работы. Вокруг дома было разбросано бесчисленное количество жестяных банок из-под консервов.

— Нужно составить акт об антисанитарном состоянии станции, — сказала, улыбаясь, наш судовой врач Е. И. Урванцева.

Но зато в самом доме чисто и уютно. По две койки одна над другой, у противоположной стенки, против входа, большие портреты Ленина и Сталина, налево стол, направо полка с книгами.

На берегу валялось много туш морских зайцев, добытых за зиму, а рядом стояли бочки с заготовленным салом, снятым с убитого зверя.

Морской заяц (Erygnathus barbatus) принадлежит к семейству тюленей отряда ластоногих. Как и обыкновенный тюлень (Phoca foetida) заяц снабжен ластами, служащими ему для очень быстрого передвижения в воде, но медленного и неуклюжего на суше и льду.

Окраска гладкой невысокой шерсти буровато-серого тона, более темного на спине, светлее на брюхе. Размеры зверя достигают 2,5 м от конца носа до конца хвоста. Схватывание пищи он производит зубами. Пищу их составляют

рыбы, ракообразные животные и моллюски. Морской заяц широко распространен во всем полярном бассейне. На юг он спускается до берегов Шотландии в Европе и до Бристольского залива на тихоокеанском побережье Америки. Стреляют его из винтовки на льду, где он любит греться под лучами солнца или в воде. В последнем случае спешат подъехать к нему на небольшой, так называемой „стрельной лодке", берут его на гарпун и затем втаскивают в лодку или

Медведь и мертвая медведица.

тянут до берега на буксире. Весною, когда зверь имеет еще очень мало сала, он тонет прежде, чем его успевают взять.

Сало его идет на ворвань, кожа на всевозможные поделки. Северяне питаются его мясом, причем особенно вкусны почки, сердце и печень, которая, в отличие от медвежьей, не ядовита.

У самого дома на привязи расхаживал молодой медведь и здесь же еще не убранная туша умершей медведицы. Эта пара с весны жила у станции. Медведица съела что-то неудобоваримое, быть может, проглотила гвоздь и умерла. Ее супруг, молодой медведь, втечение двух недель неотлучно находился у ее трупа, жалобно мычал, и ничего не ел. Но

в конце-концов инстинкт взял свое, и он понемногу стал „шамать“ свою собственную супругу. Журавлев переправил уже довольно свирепого медведя на пароход, где для него был устроен на палубе особый ящик с отверстием для принятия пищи. Бедный медведь, привыкший к простору, неистово и мужественно бился в ящике и выломал таки пару двухдюймовых досок. Пришлось забить ящик покрепче. Этот медведь был передан впоследствии Зоологическому саду в Ленинграде.

Белый медведь (Thallassarctus maritimus) является настоящим властелином северной природы. Его величественная осанка, размеренная поступь, уверенность в своих действиях говорят за то, что он чувствует себя полновластным хозяином арктических стран. От бурого медведя он отличается белой или вернее, бело желтоватой окраской шерсти, более удлиненным корпусом, длинной шеей, а также сравнительно маленькой головой, более короткими ушами и несколько загнутым носом. Он превосходит также бурого медведя по своей величине и силе и достигает длины в $2^1/_2$ м (от носа до начала хвоста), небольшой хвост не превышает длины 22 сант. Медведица, обычно, имеет меньший размер, чем медведь.

Белый медведь широко распространен во всей полярной области. Во время полета на дирижабле „Норге“, следы белого медведя замечены были на 84° с. ш. Вообще же медведь встречается только там, где вода большую часть года хотя бы частично покрыта льдом. Белые медведи известны в настоящее время на полярных островах Европы, Азии и Америки, вблизи Баффинова и Гудзонова залива, в Гренландии и Лабрадоре, на Шпицбергене, Земле Франца-Иосифа, Новой Земле, Северной Земле, Ново-Сибирских островах и на острове Врангеля.

Пища медведя состоит, главным образом, из тюленей, в особенности молодых. Однако, он не брезгает и другой пищей, при случае нападает на оленей, питается растительностью и ловит рыбу.

Медведь не обладает очень зорким зрением, но зато у него замечательно развито обоняние, запах тюленя или сала он слышит на огромном расстоянии. При охоте на морских зверей он выказывает необычайную хитрость. За много миль, замечая тюленя, начинает с величайшей осторожностью, бесшумно к нему подкрадываться, стараясь по возможности скрываться за ледяные торосы. Если же лед ровный, то медведь терпеливо ползет по его поверхности. Как только

тюлень, лежащий на льду, поднимает голову и озирается вокруг, медведь тотчас же перестает двигаться, прижимаясь ко льду и пережидая пока тюлень снова уснет.

Единственное темное место на своем туловище, черный нос (или как промышленники его называют — „мырка"), медведь во время охоты закрывает своей лапой. Если ему удается близко подползти к тюленю, он молниеносно бросается на него, делая иногда огромные прыжки. Отличаясь быстротой бега и способностью переплывать большие про-

Зимовщики Северной Земли. Справа налево Зенков, Н. П. Демме (начальник станции), Ойлев — телеграфист.

странства, медведь нападает даже на одиночных тюленей, расположенных на отдельных льдинах. Иногда он ложится у кромки льда и высматривает в воде морского зверя, выжидая пока тот выстанет. Медведю часто приходится ждать немало времени появления тюленя у ледяной отдушины. Обычно медведь одним ударом своей страшной лапы убивает на смерть тюленя. Однако, с более крупными представителями ластоногих, например гренландским тюленем, ему приходится иногда терять немало времени. С моржем же, по словам новоземельских промышленников, у него происходят настоящие бои.

Вероятнее всего, что белый медведь не подвержен зимней спячке, во всяком случае, почти все полярные путешественники встречали медведя даже в самый разгар полярной ночи.

Детеныши у медведей родятся в количестве одного, двух, редко трех. Беременность продолжается от 7 до 9 месяцев. Мне неоднократно приходилось наблюдать удивительную самоотверженность и материнскую любовь медведицы. Матери-медведицы являются настоящими воспитательницами своих детенышей. Они учат медвежат нырять, подталкивая их лапами, обучают плаванию, а во время опасности стараются всячески их защитить и, убегая, передней лапой подталкивают детенышей вперед. В воде же никогда не бросают их, несмотря на явную опасность.

Медведь не отличается свирепостью нрава и только при сильном голоде, он нападает на человека, обычно же инициатива нападения принадлежит последнему. Раненый медведь обыкновенно убегает, если он находится на большом расстоянии от человека. Однако, были случаи, что он бросался на охотника.

Охота на медведей производится в настоящее время огнестрельным оружием и не представляет особой опасности. Медведь любопытен и подходит очень близко к человеку, являясь поэтому, прекрасной мишенью. Пойманный живьем маленький медвеженок очень забавен и легко подвергается дрессировке.

Белый медведь представляет ценность благодаря своему меху и мясу. Мясо медведя вполне съедобно, за исключением печени, которая действует отравляющим образом на человеческий организм. После употребления в пищу печени делаются сильные колики, рвота и понос.

На острове Каменева мы установили ветряной двигатель и новый мотор для радиостанции, переправили на берег двух-годовой запас провизии, 14 тонн угля и куб дров. Моторная шлюпка все время крейсировала между судном и берегом. Наконец все было готово. Надо было уходить.

В ночь на 16 августа разразился сильный шторм и я счел более благоразумным переждать его, стоя на якоре в защищенном месте.

В кают-компании организован был ужин. Собрались все участники экспедиции, старые и новые зимовщики,— мы провожали смену североземельцев. В последний раз обсудили еще некоторые детали. Потом стали прощаться. Я

первым простился с деловитой и озабоченной Демме и ее товарищами, от всей души пожелав им счастливой зимовки.

В 23 ч. того же дня мы покинули острова Каменева, дав три гудка и троекратный залп из тридцати винтовок. Ответные выстрелы послышались с берега.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Опять в море. — У мыса Свердлова. — Постройка домика. — Взятие проб грунта. — Планктон и бентос.

В море была порядочная зыбь, а у берега виден был сильный прибой. Вода пенилась и бурлила, она набегала злобно на берег, ударялась с необыкновенной силой о него, над темным островом высоко вздымалась пена, рассыпаясь миллионами брызг на фоне неба. От острова в море далеко тянулась полоса зеленой воды, изобилующая водорослями и илом, взбитыми прибоем.

Курс был взят, в обход острова Самойловича с запада, к проливу Шокальского. Я решил построить небольшой домик у входа в пролив для нужд зимовщиков, принимая во внимание, что в будущем этот пролив должен будет сыграть немалую роль для навигации.

При подходе к западному входу пролива мы открыли группу небольших, невысоких (10-15 м н. у. м.) островов, получивших впоследствии имя Краснофлотских. Приближались к мысу Свердлова. Яркое солнце, скрываемое легкими, как серебристая вуаль, перистыми облаками, освещало белый, будто сахар, ледяной купол, покрывавший эту часть острова. Мне особенно интересно было увидеть весь этот район после своего полета 1931 г. на воздушном корабле „Граф Цеппелин", когда с высоты 1 000—1 200 м, перед восхищенным взором открылась чарующая картина мощных глетчеров, темных возвышенностей и широких ледниковых долин.

Сколь малыми казались тогда и островки, и извилины темного побережья, пересеченного реками, текущими из под кромки ледяного покрова. Тогда тоже светило солнце, перед нами простиралось безграничное море, лед сковывал землю и оставлял лишь небольшую полосу темного берега, заштрихованного белыми полосами зимнего снега. Широкая перспектива суши и моря ширилась под нами. Суровая земля

и жестокое море. Воздушный корабль, эта гениальная выдумка человеческой мысли, парил тогда между небом и землей. Кучка людей, находившихся на нем, чувствовала себя в спокойной рабочей обстановке научного института — ученые наблюдали, записывали, производили исследования, работали с различными инструментами и аппаратами, словом, действовали так, будто находились в условиях научного кабинета. А между тем это была летящая обсерватория. Малейший недосмотр, утечка газа, взрыв его, остановка моторов или одна

Северная Земля. Мы подошли к мысу Свердлова. На берегу видны древние морские террасы.

из тысячи других случайностей... И тогда?... Тогда научная работа прекратилась бы вместе с биением сердца.

Теперь нам легче. Мы находились на крепком, сильном и надежном ледоколе. А неизвестный берег, подводные гряды камней? С выпущенным якорем, осторожно и ощупью, тихим ходом близились мы к побережью.

— Медведи! — вскричал кто-то неожиданно.

В одной из расщелин берега три желтоватых туши мирно, ничего не подозревая, грелись на солнце. Журавлев бросился к винтовке, вмиг была спущена на воду шлюпка и четверо

охотников быстро направились к берегу, изо всех сил налегая на весла. Мы из бинокля наблюдали за ними. Вскоре раздалось несколько выстрелов. Медведица была убита на берегу, а два лоштака (молодые медведи) на воде. Все три туши были прибуксированы шлюпкой к „Русанову". Опять мы оказались со свежим мясом.

Между тем на воду спустили для выгрузки карбасы и в них погрузили стройматериалы. Местом для постройки я избрал берег между мысами Свердлова и Бубнова. Хотя море было совершенно свободно ото льда, но у берега скопилось порядочное количество льда местного происхождения. Как видно из карты, составленной Гидрографическим управлением, на основании работ Всесоюзного Арктического института и управления, в пролив спускаются многочисленные глетчеры. От них откалываются айсберги, которые, под влиянием приливо-отливных течений, то прижимаются к берегу, то отходят в море. Во всяком случае, проталкиваясь сквозь лед, карбасы и шлюпки могли без особых затруднений подходить непосредственно к берегу. У самого глетчера, которому я дал название глетчер Ушакова в честь Г. А. Ушакова, плавали причудливые айсберги, высота некоторых достигала 15 м над уровнем моря.

Каждый из них имел свою особую замысловатую форму. Нежно-зеленый, бирюзовый замок со строгим фронтоном и башнями высился на ледяной глыбе, в подводной части которой морские волны промыли пещеры и гроты. Немного далее виднелась бело-сахарная громада какого-то диковинного зверя с бычьей головой и громоздким корпусом кита, медленно покачивавшегося на поверхности моря. За ним полоса более мелких айсбергов, — будто звериное стадо, протянулись они вдоль смарагдового барьера глетчера.

Я бы еще долго ездил на моторной шлюпке между льдом, любуясь невиданным зрелищем, но нужно было вернуться на берег для работы.

Вместе со своим спутником, топографом Н. Н. Колчиным, я совершил небольшую геологическую экскурсию.

Между ледяным куполом и его ответвлением выходила коренная порода, состоявшая из гранитовых порфиров, в виде интрузии, прорезавшей кембрийские отложения.

Физическое выветривание усеяло поверхность и склоны плато большими глыбами породы, так что для продвижения вперед приходилось перескакивать с одного камня на другой. Как интересно было мне ходить пешком по тем самым местам, которые до того я наблюдал лишь с воздуха. Ка-

кая глубокая разница в самом характере наблюдений. Сверху казалось, что растилалось как бы огромное полотнище, на котором широкими мазками была изображена вся местность, теперь передо мной открывались малейшие детали и тонкие нюансы окружающей природы. Весь этот район, казавшийся сверху ровным плато, в действительности представляет собой хаос нагроможденных глыб, по которым, как я убедился, передвигаться во много раз труднее, чем над ними.

Когда я вернулся на корабль, кок угостил нас прекрасными бифштексами из мяса убитых вчера медведей.

Постройка дома на мысе Свердлова.

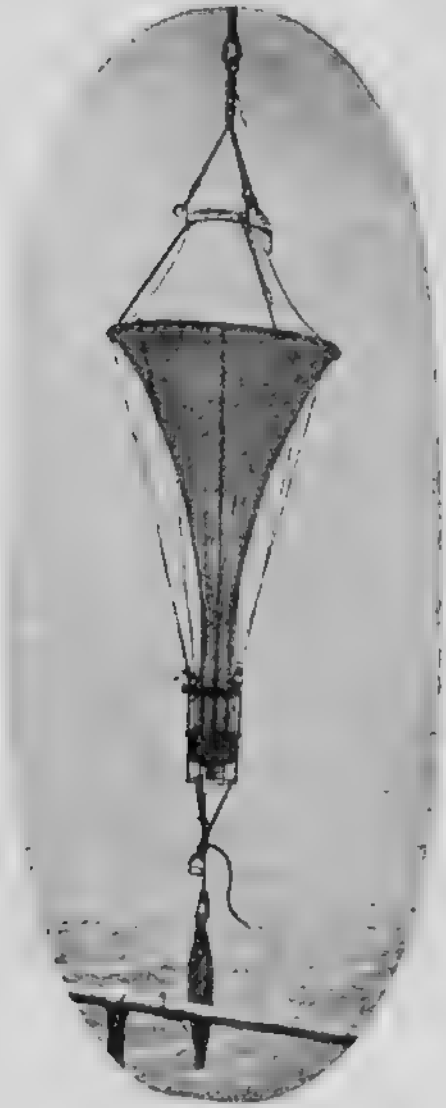
Вскоре с берега вернулись строители, — дом был готов, его поставили в двое суток. Конечно, он невелик, но вполне достаточен в условиях Северной Земли.

Мы в нем оставили консервы, муку, соль, топливо, спички и пр., — на случай посещения этого места зимовщиками.

19 августа утром был выкатан якорь и мы, прежде чем отправиться к мысу Челюскину, вышли на гидрологические работы в проливе Шокальского.

Обмен вод морей Карского и Сибирского происходит двумя проливами — Шокальского и Вилькицкого и вокруг

Северной Земли. Поэтому изучение гидрологического режима пролива Шокальского представляло большой интерес. Важно было установить температуры, соленость, химический состав воды, выяснить направление течения в проливе и исследовать из какого материала состоят грунтовые отложения на дне моря. Для всех этих работ мы и наметили „гидрологические разрезы".



Сеть для сбора планктона.

Первый разрез начался от мыса Бубнова к фьорду Тельмана и наши гидрологи, во главе с С. К. Добронравовым, рьяно принялись за работу.

Я на станциях был занят пробой грунта при помощи так называемой трубки Экмана. Это — длинная (2—3 и более метра) стальная трубка, диаметром 5 сант. К верхней части трубки прикреплен груз. Трубка на тросе, под влиянием своей тяжести и тяжести груза, стремительно летит вниз и врезается в грунт дна, погружаясь в него на метр и более. Затем при помощи ручной или механической (электрической) вьюшки, трубка вместе с заключающейся в ней колонкой грунта, выпадение которого из трубки задерживается особыми смыкающимися чашками, поднимается на палубу. Здесь колонка грунта извлекается, исследуется и регистрируется.

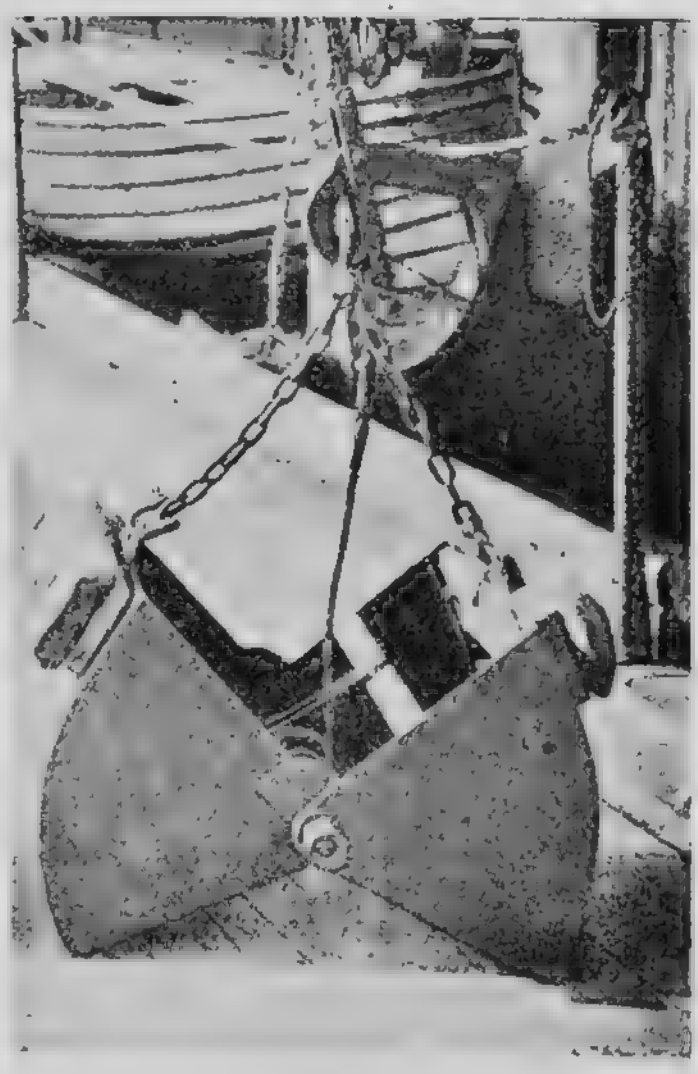
Весьма характерно, что у побережья колонка состояла из песка с галькой (повидимому, моренные отложения), в центральней части пролива я извлекал колонки, заключавшие в себе глубоководный ил, и это отчасти подтверждает мнение Урванцева о наличии здесь древнего излома.

Северное побережье острова Большевик представляет собою ровное плато, постепенно снижающееся к северу и югу.

Берега [в районе фьорда круто выступают среди долинных глетчеров, являющихся языками отдельных ледяных куполов.

При приближении к берегу видно было несколько береговых террас, из которых наиболее резко выделялись расположенные на высоте 100 и 60 м над уровнем моря.

Сделав гидрологический разрез в западной части пролива, мы пошли к северовосточному выходу его. От мыса Баранова (на острове Большевик) к мысу Архангельд (на острове Октябрьской Революции) мы произвели второй гидрологический разрез, пересекши таким образом воды у обоих входов пролива. На этом разрезе мною была потеряна одна из моих лучших трубок Экмана. Судно на станции стало сильно дрейфовать и когда трубка уж достигла дна на глубине 250 м, трос пошел под киль корабля и оборвался, трубка осталась на дне моря. Это был первый предмет, поглощенный морем, по которому еще никто не плавал.



Дночерпатель.

Одновременно с гидрологическими работами и взятием проб грунта, производились также гидробиологические станции, т. е. брались пробы планктона и бентоса.

Под названием планктон подразумевают все существа, которые свободно и пассивно плавают в море вблизи его поверхности и в глубинах. Бентосом называются животные, держащиеся по преимуществу у дна моря.

Область населяемая планктоном отличается довольно своеобразными условиями существования, к которым большинство животных приспосабливаются в высшей степени совершенно. Незначительное различие в качестве грунта, однообразная водяная масса, встречаемые предметы, к которым можно было бы прикрепиться для отдыха, отсутствие влияния приливов и отливов, а также ударов волн, вот условия при которых планктон достигает наибольшего развития. При этом важно, чтобы соленость воды также более или менее была постоянна, за отсутствием обильного притока пресной воды. Температурные колебания существуют, но переходы их не столь резки, зато там где температуры разнятся значительно, вследствие наличия теплого или холодного поверхностного течения, это обстоятельство сказывается заметным образом на распределении животных планктона.

„Где поверхностный слой океана перерезывается могучей водяной артерией—морским течением,—пишет Келлер — там жизнь бьет ключем, там с берега переносятся в открытое море огромные количества пищи и старания множества обитателей направлены к тому, чтобы удержаться в течении, быть им захваченным и нестись вместе с ним вдаль. Для этой цели пускаются в ход все средства, иногда самые невероятные, пожалуй нигде конкуренция и борьба за существование не развиты так сильно, как на поверхности моря. Гладкое как зеркало, или сверху лишь поддернутое зыбью, оно кажется нам символом мира и спокойствия, но в действительности оно является часто, даже постоянно, ареной, обагренной кровью и наполненной бесшумным разрушением. Нередко активные средства заменяются пассивным переносом. Даже хорошие пловцы могут быть захвачены течением и волей неволей попадают в отдаленные части океана. Этим объясняется почему не только свободно плавающие, но и поддерживающиеся в воде в подвешенном состоянии животные и растения обладают необычайно широким распространением. Некоторые пелагические корненожки сделались почти космополиты. Рыбы более южных областей Атлантического океана попадают под влиянием Гольфстрема к берегам Норвегии, стаи южных медуз приносятся Гольфстремом даже к Шпицбергену.

„Еще в середине XIX столетия о жизни на больших глубинах почти ничего не было известно. За отсутствием положительных данных приходилось довольствоваться тем, что создавала в этом направлении творческая фантазия поэтов, неприуроченная к тесным рамкам действительности. Она и

пользовалась здесь действительно широким простором, в результате чего явились невероятнейшие представления о населении мрачной морской пучины. Тем не менее люди отважились в конце концов проникнуть в тайны глубин океана и чем далее подвигались вперед исследования, тем сильнее привлекал к себе всеобщее внимание загадочный мир глубоководных животных. На свет появились формы, о существовании которых и не подозревали ранее. Картина

Северная Земля. Северный берег, пролив Шокальского.

получалась более отрадная, чем та, которую рисовала фантазия поэта. Одновременно господствовало убеждение, что на очень большой глубине совершенно невозможна органическая жизнь, внешние условия существования казались слишком неблагоприятными.

„Вследствие того, что вода при охлаждении становится тяжелой и потому опускается на дно, температура на глубине крайне низка и приближается к нулю. Понижение температуры, однако, не может рассматриваться, как обсолютно неблагоприятное для жизни, так как в арктических морях мы находим иногда чрезвычайно богатую флору и фауну

в береговой области. Чувствительно влияет уменьшение света с глубиной, так как препятствует заселению нижних слоев растениями, наиболее же сильное значение имеет повышение давления водяного столба.

„Слоям низлежащим приходится выдерживать тяжесть верхних и давление воды вырастает с каждым десятком метров на одну атмосферу; следовательно, на глубине 4 000 м давление достигает около 400 атмосфер. Результатом ряда больших и малых экспедиций было ознакомление с фауной глубин различных океанов и полное опровержение теории отсутствия органической жизни на глубинах. Животное население могло быть констатировано и на самых значительных глубинах".

Методы лова глубоководных животных различны, смотря по местным условиям.

В нашей экспедиции мы употребляли драгу. Она состоит из четырехугольной рамы, к которой прикрепляется мелкоячеистая сеть, закрытая кошелем из грубого холста. Рама широкая и спереди отточена ввиде лезвия, она прикрепляется к длинному стальному троссу, навитому на вьюшку (барабан) и опускается на троссе ко дну. Когда драга достигает дна, то пароходу дается медленный ход вперед и драга начинает со дна соскребывать всех животных, попадающихся на пути, которые и собираются в кошель. При значительных глубинах для подтягивания драги человеческих сил недостаточно и, тогда приходится пропускать тросс через лебедку. Забрасывание и вытягивание драги на корабле является целым событием и нередко отнимает несколько часов. Туго приходится научным работникам занятым драгированием. Температура воды ниже нуля, часто сильный ветер и холод делают эту работу весьма трудной. Но какой радостью она оплачивается, когда извлекают драгу, полную представителями животного царства. Но и здесь зоологу не приходится отдыхать, начинается разборка материала, самая ответственная и сложная работа, которая также подчас продолжается несколько часов. Драга приносит с собою материал для исследования не только зоологу, но также и геологу, ибо захватывает с собой каменные породы, по преимуществу валуны, находящиеся на дне морском. Исследуя характер таких валунов можно составить себе заключение о переноске глетчером или айзбергами материала и судить таким образом о движении глетчеров во время древнего оледенения.

Для поисков животных, плавающих у самого дна употребляется кроме драги также трал, т. е. широкий мешок из

сети, к одной из сторон его отверстия прикрепляется особый стержень, а по сторонам доски, благодаря чему трал ползает по дну.

Для получения с произвольной глубины плавающих животных (планктон) употребляются сети очень простого устройства. К круглому металлическому кольцу прикрепляется конической формы мешок из частого шелкового газа (мельничный шелк, который обычно употребляется для мельничных сит). К концу мешка прикрепляется медный стаканчик, автоматически закрывающийся при посылке по лотлиню

Причудливый айсберг.

особого груза. Лотлинь закрепляется к круглому металлическому кольцу и, наконец, внизу же самого стаканчика подвешивается груз, оттягивающий весь прибор книзу. Такого рода сетку можно опускать на любую глубину, которая определяется при прохождении лотлиня через особый счетчик. Счетчик позволяет брать материал с глубины, необходимой наблюдателю.

При рассмотрении вопроса о происхождении населения морских глубин следует иметь в виду, что большое постоянство внешних условий существования благоприятствует со-

хранению древних форм. Например, представители кремнистых и известковых губок, существовавшие в самый отдаленный геологический период и в настоящее время известны во множестве видов в качестве типичных обитателей глубинной фауны. Тоже самое можно сказать и об иглокожих. В общем же, глубоководная фауна имеет скорее характер молодой фауны и должна рассматриваться как отпрыск населения береговых областей или же населения поверхности морей. Естественно, что животный мир занимает первоначально те области, которые были ему легче всего доступны и лишь позднее переселяется на глубины, где существование все же связано со значительными трудностями. Поэтому и распределение органической жизни в отдельных областях чрезвычайно разнообразно. Лишь отдельные виды могли равномерно распространяться по различным глубинам.

Планктон поверхностных слоев моря чрезвычайно богат, в особенности сильно развиты диатомеи, микроскопические морские растения. Количество планктона, однако, зимою значительно снижается. Например, в северозападной Гренландии летом в 500 тысяч раз больше диатомей, чем зимою.

Для правильного понимания условий распространения фауны в полярных водах следует учесть влияние атлантических вод и тихо-океанских. Через Берингов пролив в Полярное море проникают представители тихо-океанской фауны, на атлантической стороне Гольфстрем является проводником более южных представителей фауны. Благодаря его течению и ответвлениям фауна умеренных широт проникает далеко на север. В противоположность этому течению, восточно-гренландское течение и лабрадорское течение наоборот несут с собою арктические воды далеко на юг. Эти взаимоотношения с фауной более южных широт привели к тому, что в Северном Ледовитом море не наблюдается строго замкнутый район циркумполярного характера.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Вокруг острова Большевик с запада.— В проливе Вилькицкого. — Мыс Челюскина. — Знак Амундсена. — Выбор места зимовки. — Кто до нас побывал у самой северной оконечности Старого света.

20 августа мы кончили гидрологические исследования в проливе Шокальского и пошли вокруг мыса Неупокоева к проливу Вилькицкого, отделяющему Северную Землю от Азиатского материка.

В то время, как северный берег острова Большевик был затянут низкой полосой светло-белесого тумана, глетчеры южного берега острова Октябрьская Революция были ярко освещены косыми лучами солнца, прорвавшимися на севере сквозь тучи. Казалось, будто сотни прожекторов посылали свой свет на безжизненный берег, срезанный у моря белой полосой, державшегося здесь мелко-битого льда. Сплоченность его не превышала 1—2 баллов. При выходе из пролива капитан решил стать на якорь из-за тумана. Когда набежавшим ветром туман был пронесен, оказалось, что мы находимся в расстоянии двух миль от северного побережья острова Большевик, представлявшего собою в этом месте низкую равнину. Воспользовавшись хорошей видимостью, мы обогнули мыс Неупокоева и вошли в пролив Вилькицкого.

Несмотря на облачное небо, видимость в море была отличная, около полудня 21 августа одновременно были видны гора Герасимова на острове Большевик и гора Аструпа на полуострове Таймыре, на последней даже можно было различить полосы зимнего снега. Пролив был совершенно чист ото льда, только у острова Большевик держалась пара небольших айсбергов.

Хотя мыс Челюскин был еще впереди, тем не менее наши зимовщики, строительные рабочие, научные сотрудники и команда стали лихорадочно готовиться к высадке на берег. Нам здесь предстояло в кратчайший срок построить 4 здания. Я, впрочем, теперь был уверен в успехе — льда не было.

Но, с другой стороны, как мы знали от „Сибирякова", подвигавшегося как раз в это время с большими трудностями, вдоль восточного берега Северной Земли, сплоченность льда доходила там до 10 баллов. Следовательно, тяжелый лед был недалеко от нас, а значит и стоянка у мыса Челюскина находилась под угрозой нажима льда, в случае длительных и крепких северных и северовосточных ветров.

Продрогший спустился я с мостика в кают-компанию, чтобы немного подкрепиться пищей. Все уже были в сборе, оживленно, с некоторым возбуждением беседовали о предстоящей нелегкой работе. Я был доволен столь веселым и дружным настроением моих спутников и хотел уже снова уходить на мостик, как вдруг заметил несколько сконфуженную фигуру Фокидова, с недоуменным видом стоявшего у вешалки при входе в каюту. — В чем дело, Фокидыч? Что вы потеряли? — спросил я, заметив растерянный его вид.

— Ничего не потерял, Р. Л., наоборот, нашел — ответил тот.

Оказывается он, придя к обеду, хотел повесить на вешалку свою кепку, но не оказалось ни одного свободного крючка. Там висели четыре разных головных убора, но все они были, как это ни странно, его собственными. Оказывается, наш физик каждый раз забывал свой головной убор на вешалке, приносил новый, неизменно удивляясь куда же деваются его кепки, шапки и картузы.

Между тем „Русанов" приближался к мысу Челюскина. Погода стояла пасмурная, с набегавшими туманами и ветром в 3—4 балла от оста. Правее курса показалась темная, узкая полоска берега. Мы подвернули к нему, взяв курс западнее.

Капитан Борис Иванович имел хороший морской глаз, или вернее особое чутье, инстинкт, которые являются обязательной принадлежностью каждого истинного мореплавателя. Моряк должен во́ время отличать мысы, заливы, корги, камни, мели у неизвестного берега. Борис Иванович первый заметил знак, который, как нам было известно, Амундсен поставил на мысе Челюскина. Как мы и предполагали, ледокол оказался немного восточнее счислимого места и нам пришлось повернуть на запад.

Медленно и осторожно приближался ледокол к самой северной точке Азии. Стоя на мостике я пытливо всматривался в темную полосу берега. Ни одного живого существа. Низменное побережье, постепенно повышавшееся к югу, тянулось к востоку и западу узкой полосой.

„Как угрюм и неприглядан северный берег этого огромного материка, столь разнообразного по своим географическим ландшафтам и по разнохарактерности его населения, — думал я. — Если перелететь над материком с севера на юг, сколько стран и народностей промелькнет с высоты полета — Сибирь, Монголия, Китай, Индия, Сиам, Индо-Китай, Зондские острова. Тропическая жара, непроходимые пальмовые леса и холодная пустыня Арктики".

Мы подошли к самому северному мысу Азии—мысу Челюскина.

Пронизывающая, сырая погода и приближение к неизвестным берегам не оставляли много времени для размышлений.

Мы уже находились в полумили от берега. Загремела якорная цепь и „Русанов" бросил якорь у мыса Челюскина.

Пока разворачивались, отдавали якорь и спускали мотор, время прошло незаметно.

В 6 ч. на берег высадилась группа лиц, состоявшая из доктора Георгиевского, начальника радиостанции на мысе Челюскина, моего заместителя Михайлова, инженера-строителя Бановича, геолога Аллера, промышленника Журавлева, охотоведа Рутилевского, гидрографа Ануфриева, моториста

Коробко и меня. Ануфриев и Коробко отправились на моторной шлюпке делать промеры, чтобы „Русанов" мог увереннее подойти к берегу, я же со своими спутниками пошел искать на побережье подходящее место для постройки радиостанции.

Во избежание потери драгоценного для нас времени, нужно было найти необходимый участок возможно скорее, чтобы немедленно же приступить к постройке зданий.

Место для будущей научной базы и обсерватории должно было удовлетворять целому ряду условий: для наблюдений над ледовым режимом важно иметь перед глазами наблюдателя возможно бо́льшую часть пролива, с открытым видом на восток, север и запад. В целях обеспечения необходимых условий для метеорологических и аэрологических наблюдений следовало избрать достаточно открытое место, чтобы элементы погоды не находились под влиянием местных условий. Это же было необходимо для правильного распространения радиоволн в эфире. С другой стороны берег, на котором будет построена обсерватория, должен быть удобен для стоянки судов и разгрузки их. С точки зрения строительной техники нам нужно было отыскать удобный грунт. Наконец, станция должна была находиться у достаточно мощного источника пресной виды и пр. и пр.

Как видит читатель, нам предстояла нелегкая задача— принять весьма ответственное решение в кратчайший срок.

Но во всяком деле, помимо всех прочих условий, обязательно необходима удача, а нашу экспедицию (как, впрочем, и все мои экспедиции до сих пор) она несомненно сопровождала. (Характерно, между прочим, что при первой же встрече моей с капитаном, тот мне заявил, улыбаясь: „ну, вам везет, с вами не пропадешь!" При этом северные моряки однако, забывают, что и у меня бывало не всегда ладно. Правда, это была моя первая полярная экспедиция, когда в 1911 г. парусное судно „Жак Картье" попало в сильнейший шторм по пути на Шпицберген и не только его не достигло, но после десятидневной отчаянной трепки в море, было выброшено к норвежскому берегу у поселка Мехавн). Однако, на этот раз нам действительно повезло.

Мы высадились у того места, которое, я после тщательной ориентировки, какая была только возможна в короткое время, признал наиболее подходящим и удовлетворяющим необходимым условиям. Правда, некоторым минусом избранного участка являлось отсутствие вполне защищенного ме-

ста для корабля, но я считал, что особенно большой волны в сравнительно узком проливе быть не может, так что этим недостатком следует пренебречь, если принять во внимание выгоды во всех других отношениях. В крайнем случае, счи-

Знак Амундсена на мысе Челюскина.
С винтовкой Р. Л. Самойлович.

тал я, во время сильных ветров придется на время приостанавливать выгрузку. Все мои спутники полностью со мной согласились.

Я не хотел возвращаться на судно, не побывав предварительно на знаке, установленном на мысе Челюскин Харальдом Свердрупом, участником экспедиции Амундсена на судне „Мод". Я пригласил своих спутников проследовать

туда вместе со мною, на что все охотно согласились. Так как знак был от нас в расстоянии не более километра, то мы вскоре уж были возле него.

Гурий [1] был очень искусно сложен из камня и имел в высоту два с половиной человеческих роста. Он поставлен на самом мысу и прекрасно виден и с моря, и с берега.

Море было спокойно. Мы шли вдоль берега по ровному месту, усеянному обломками темного сланца. Солнце будто сквозь матовое стекло из-за облаков неясно освещало суровую природу. Мы быстро приближались к знаку, на верху которого стал заметен укрепленный на нем шар. Через короткое время мы были уже у каменной пирамиды. Аллер влез на нее. Медный шар изображал земной шар и был укреплен в честь Норденшельда, первого прошедшего у мыса Челюскина вдоль северных берегов Европы и Азии.

Шар состоял из двух полушарий, плотно вставлявшихся друг в друга по большому кругу. Когда Аллер снял верхнюю половину, оказалось, что в шаре были вложены две друг в друга вставленные консервные банки, а в них собственноручные письма Амундсена и Свердрупа.

Но прежде чем перейти к содержанию этих писем, позволь читатель, напомнить тебе о тех немногочисленных экспедициях, которые до нас посетили это малодоступное место.

Впервые северное побережье полуострова Таймыр было посещено участниками, так называемой, Великой Северной Экспедиции, работавшей на севере Европы и Азии втечение 1733 — 1744 гг. и описавшей северное побережье на всем его протяжении, разбившись на пять партий.

Суда, назначенные к описанию берегов от устья Лены на запад и на восток были дубельт-шлюпка „Якутск" (длина 70 фут, ширина 18 фут, глубина $6^1/_2$ фут) под командованием лейтенанта Прончищева и палубный бот „Иркутск" (длина 60 фут, ширина 20 фут, глубина $7^1/_2$ фут), под командованием лейтенанта Ласиниуса. Они вышли из Якутска 10 июня 1735 г. 2 августа подошли к острову Столбовой и затем Быковским протоком вышли к Быкову мысу. Ласиниус снялся отсюда 7 августа, а Прончищев, прибывший позднее, двинулся 13 августа. С Прончищевым были подштурман Челюскин, геодезист Чекин, иеромонах, подлекарь и 50 человек команды. Его сопровождала жена, разделявшая с ним

---

[1] Гурием поморы называют знак, сложенный из камней и поставленный на приметном месте.

все тяготы трудного путешествия. 25 августа они подошли к устью Оленек (72°54′ с. ш.). Начались морозы и Прончищев решил остаться здесь зимовать. 30 августа втянулись в устье реки и там построили себе из плавника для зимовки две избы.

В следующее лето 1736 г. Прончищев вышел в море 3 августа. С 5 по 11 он стоял в устье реки Анабар, вверх по которой послал геодезиста „для осмотра горы той, в которой руда". 13 августа с большими трудностями, среди льдов, он добрался к устью Хатангской губы. Продолжая отсюда плавание к западу, вблизи берегов, пользуясь попутными ветрами и не встречая значительных ледяных препятствий, 17 августа достиг широты 76°30′. Повернув к западу он встретил большое количества льда, между которыми шли „через великую нужду". С утра 19 стали опять подниматься к северу, идя вдоль припая. По льду ходило множество белых медведей, в воде путешественники видели белух и моржей. В тот же день дошли до 77°29′, и встретили там большое количество льдов, препятствовавших дальнейшему продвижению.

Прончищев, чувствовавший себя больным с самого начала кампании, созвал на совещание своих спутников, на котором было решено возвратиться назад. С великими трудностями, пробираясь между льдами, они 23 подошли к устью Хатангской губы, где не было льдов, а 25 августа подошли к устью Оленека. В течение семи суток не могли продвинуться дальше, а 29 августа Прончищев скончался. 2 сентября вошли в устье р. Оленек и остановились у прошлогоднего зимования. 11 сентября скончалась жена его Мария Прончищева, которая была погребена вместе с мужем.

После смерти Прончищева командование принял на себя штурман Челюскин, с которым геодезист Чекин в половине декабря выехал в Якутск. Из за неполучения подвод они прибыли в Якутск только в июне следующего (1737) года. Однако, донесения их были получены еще в начале 1737 г.

Перед начальником экспедиции Берингом стал вопрос, продолжать ли дальнейшие попытки исследования сибирского побережья? Он обратился за советом к сопровождавшим его академикам. Де-ла-Кроер решительно высказался против продолжения экспедиции, а Миллер, на основе своих исторических изысканий, указал на те трудности, лишения и даже гибель людей, которые сопровождают подобные плавания, и что по замечанию бывалых людей „Ледовое море перед прежними годами много убыло и подле берегов стало

мелко". На основе этого сообщения, и посоветовавшись со своими офицерами, Беринг отложил продолжение экспедиции до особого разрешения этого вопроса Адмиралтейств-коллегией. Так прошло, замечательное по отсутствию льдов, лето 1737 г., а затем в переписке и приготовлениях миновало также и следующее лето 1738 г. Между тем Адмиралтейств-коллегия предписала экспедицию продолжать. Указывая на примеры удачных плаваний казаков, совершенных людьми „не знавшими навигации, на судах погибельных, с парусами из оленьей кожи, со снастями ремневыми и с камнями вместо якорей и однако же удавшихся". Она считала, что тем более должно удасться плавание, на морских судах, хорошо снабженных, управляемых людьми „искусными в навигации". 3 декабря 1737 г. Адмиралтейств-коллегия определила: продолжать настоящие исследования, „с наиприлежнейшим старанием" не только еще в одно, в другое и в третье лето, но „буде какая невозможность в третье лето во окончание привесть не допустит, то и в четвертое...", указавши вместе с тем, что в случае невозможности вести исследования по морю, произвести опись берега от р. Хатанги к Енисею сухопутно.

Приемником Прончищева назначен был Харитон Лаптев, которому даны были большие полномочия.

Тем временем остававшаяся в Оленеке дубельт-шлюпка была приведена в Якутск и приготовлена к новому походу.

9 июня 1739 г. Харитон Лаптев вышел из Якутска на дубельт-шлюпке с теми же офицерами и командой, в количестве 45 человек, а 21 июля западною протокою Лены вошел в море. Встретив там густые льды, он в течение целого месяца беспрерывно боролся со льдом, нередко теряя надежду на спасение. 24 июля он миновал устье реки Оленек, 28 осмотрел бухту Нордвик, для описания которой посылал геодезиста, 6 августа подошел к устью Хатангской губы. Здесь он предполагал оставить часть провианта для предполагаемой зимовки, но, снова теснимый льдами, был принужден спуститься в самую губу и там втянувшись в устье мелководной речки, простоять целую неделю на широте 74°42′. 14 наконец, вышел из губы и, пробираясь далее подле берегов, 17 миновал Петровскую губу на широте 76°30′, от которой зворотил к северо-западу. 21-го подошел к мысу Святого Фаддея на широте 76°47′. Здесь сплошные, неподвижные льды окончательно перегородили ему дорогу. Это место признано было чрезвычайно неудобным для зимовки, не было ни воды, ни достаточного количества

плавника, поэтому на совете решили вернуться на зимовку в Хатангскую губу. 24 преодолевая тяжелые льды, достигли этой губы, а 29 стали на зимовье в верховьи ее, вблизи устья речки Блудной, на широте 72°56′, где нашли несколько семейств сидячих тунгусов. Зимовка прошла вполне благополучно, так как продовольствие возили с устья Оленека и получали его от тунгусов, Все остались здоровыми и умер только один солдат, бывший в „любострастной болезни". Но, повидимому, настроение у его спутников было подавленное, ибо, как пишет Соколов: „Случался однако же ропот в команде — слышались от некоторых нижних чинов нерегулярные и непристойные слова, усмирявшиеся кошками".

Харитон Лаптев сделал несколько попыток для изучения побережья Таймырского полуострова, между устьем р. Таймыры на запад до Пясины. В октябре того же года был послан боцманмат Медведев с одним солдатом на р. Пясину для осмотра ее устья и описания берегов от него к востоку до устья Таймыры. Он возвратился в конце апреля, проехав по берегу только 40 верст, из-за неблагоприятной погоды.

Вторая попытка была совершена в исходе марта 1740 г., когда для описания берега от устья р. Таймыры на запад до Пясины был послан геодезист Чекин с одним солдатом и якутом. Эта партия состояла из двух собачьих нарт в устье р. Таймыры, 7 собачьих нарт были предназначены для подвоза корма до р. Таймыры и, наконец, для перевозки дров были назначены два тунгуса с 18-ю оленями, павших дорогой от бескормицы. Геодезист Чекин со спутниками воротился 17 мая, пешком „с крайней нуждой", оставя в дороге нарты и большую часть собак, погибших от бескормицы. Чекин проехал около 100 верст к югу от р. Таймыры.

В конце мая послан в устье р. Таймыры якут и с ним один русский промышленник, для заготовления к будущей поездке рыбы. С этой же целью были посланы на Таймыр самоеды.

После вскрытия Хатанги, 15 июля, Харитон Лаптев сделал попытку уйти в море на своем судне, но утром 13 августа на широте 75°30′ судно было окружено и сжато льдами и было отнесено по ветру и течением к северу. Судно имело пробоину и давало большую течь, команда непрестанно работала по откачке воды, но все попытки спасти судно оказались тщетны, команда стала выгружать продовольствие на лед. После гибели судна, команда отправилась к берегу, отстоявшему на 15 миль к западу и достигла его около

полудня 16-го. Здесь на берегу устроили себе из плавника юрты, и перевезли оставшийся на льду провиант. Некоторые из команды стали роптать, но строгими наказаниями начальник восстановил дисциплину. Только через месяц после крушения, 20 сентября партия переправилась через реку и после трехнедельного пути, в половине октября достигла места своего прежнего зимовья. Из больных четверо умерло, а остальные были привезены на место зимовки в начале ноября.

Энергичный Харитон Лаптев после потери судна решил с ранней весны 1741 г. приступить к описанию берега сухопутным путем.

17 марта штурман Челюскин был отправлен на трех нартах с двумя солдатами к устью Пясины, должен был возвращаться оттуда по берегу, кругом Северо-Западного мыса на восток до устья р. Таймыры. Геодезист Чекин отправился 22 апреля на трех нартах с одним солдатом и якутом от места зимовья кругом Северовосточного мыса на запад к устью той же р. Таймыры. Сам же Лаптев с одним солдатом и якутом на двух нартах и еще с двумя подводами, 24 апреля вышел прямо к устью р. Таймыры. Для обеспечения партий продовольствием, еще в начале апреля к устью Таймыры были посланы с провиантом и собачьим кормом 12 нарт, а к Таймырскому озеру 7 нарт. Кроме того были отправлены две нарты на дорогу, по которой должен был следовать Чекин. Вся остальная команда была переправлена на Енисей на оленях.

Геодезист Чекин, вскоре после его отправления, принужден был возвратиться, доехав до широты 76°35′, потому что сам он и бывшие с ним спутники „ослепли от стужи".

Штурман Челюскин, проехав от устья Пясины до широты 75°21′, встретился с Лаптевым и поворотил вместе с ним назад к Пясине. Лейтенант Лаптев приехал на устье р. Таймыры 6 мая, определив его широту, сперва отправился на восток, но через неделю, проехав немного, от Медвежьего мыса воротился „с перебитыми от дыма в юртах и от ветра глазами". 20 поехал по западному берегу и почти каждый день делал наблюдения: 24 определил Северозападный мыс на широте 76°38′; 25 обнаружил знак, поставленный в прошедшем году Чекиным на широте 76°26′. 1 июня на широте 75°21′ встретился с Челюскиным, ехавшим на встречу ему и вместе с ним продолжали дорогу к Пясине, куда прибыли 9 июня. Отсюда все переправились на Енисей и зиму провели в Туруханске.

Оставалось, следовательно, описать еще Северовосточный мыс, не описанный Чекиным. Для этого в декабре месяце того же года был послан штурман Челюскин. Прибыв в устье Хатанги в исходе февраля 1742 г. и затем к мысу Св. Фаддея 1 мая, он начал отсюда опись, следуя на нартах вдоль берега. 7 мая достиг крайней северной оконечности — Северовосточного мыса, определенного на широте 77°34′ и обогнул его, продолжая путь к югу, к устью р. Тай-

Знак Норденшельда к западу от мыса Челюскина.

мыры, не доезжая которой 15 мая был встречен, посланными уже с устья, солдатами с провиантом. Харитон Лаптев в стремлении исполнить последнее и наиболее важное описание берега, в феврале поехал к устью Таймыры, чтобы оттуда двинуться на встречу Челюскину, но, прибыв на место в начале мая, не мог из-за недостатка провианта продолжать путешествие и послал на встречу двух солдат с запасами. В июле оба путешественника Лаптев и Челюскин вернулись в Туруханск, откуда рекой в Енисейск и Лаптев поехал с отчетом в Петербург.

Таким образом Харитону Лаптеву и Челюскину принадлежит огромная заслуга первого описания Таймырского полу-

острова, а Северовосточный мыс носит по праву имя своего первого исследователя Семена Челюскина.

Должно было пройти около полутораста лет, прежде чем у этих берегов появились путешественники с научной целью.

То была шведская экспедиция Адольфа Эрика Норденшельда 1878-1880 гг. Целью этой экспедиции являлся проход из Западной Европы в Берингов пролив вдоль северных берегов Евразии.

Не вдаваясь в подробности этой замечательной экспедиции, осуществившей успешно этот проход, после зимовки 1878/1879 г. в Колючинской губе, отметим, что это была первая экспедиция, посетившая после Челюскина северное побережье Таймырского полуострова.

Два корабля экспедиции Норденшельда „Вега" и „Лена"[1] утром 10 августа 1878 г. покинули остров Диксон, взяв курс вдоль западного берега полуострова Таймыр. 12 августа суда пересекли скопление ловучего льда, а 13 августа миновали множество небольших островов и скал. С 14 по 18 августа неблагоприятная погода задержала экспедицию в бухте Актиния, вдающейся в полуостров Таймыр с северной стороны. Здесь был поставлен каменный знак.

19 августа плавание продолжалось в густом тумане вдоль побережья под парусами и на парах. Лишь изредка попадались сильно изъеденные льдины, а впродолжение дня путешественники миновали большое ледяное поле.

Вскоре, однако же, через мглу показался на северо-востоке темный мыс, у которого не было льда. Открывавшийся к северу залив врезывался здесь в материк, в этом то заливе оба судна бросили якорь 14 августа в 6 ч. пополудни.

„Мы достигли великой цели — писал Норденшельд, — к которой стремились в продолжение столетий. Впервые судно стояло на якоре у самой северной оконечности Старого света. Неудивительно, что мы приветствовали это событие украшением судов флагами и пушечной стрельбой, а после возвращения с прогулки по берегу — пиршеством и заздравными тостами".

После Норденшельда у мыса Челюскина проходила экспедиция Фритьофа Нансена на „Фраме" (1893 — 1896 гг.).

---

[1] Дошедшая впоследствии благополучно до устья Лены и там оставленная для речных рейсов — „Лена" плавала там вплоть до 1932 г., когда потерпела аварию.

„К утру (10 сентября 1893 г.) мы достигли пункта, который приняли за самый северный конец полуострова. При смене вахты, в 4 ч., были подняты флаги и был послан гремящий салют по морю".

С корабля не было видно знака, поставленного на берегу Норденшельдом. Вследствие недостатка времени, Нансен не высаживался на берег.

Первой русской экспедицией, посетившей это место после Челюскина была „Русская полярная экспедиция" Толя.

Знак Северной Гидрографической экспедиции (1914) к востоку от мыса Челюскина.

18 августа 1900 г. судно экспедиции „Заря" вышло с острова Диксона. 23 августа судно было в шхерах Минина, где сидело на мели. 27 августа экспедиция находилась у входа в залив Миддендорфа, который сначала был принят за Таймырский пролив. Ледовые условия оказались весьма тяжелыми для продвижения вперед. 26 сентября „Заря" была остановлена на зимовку у небольшого острова, которому Толь дал имя Нансена, на рейде „Заря" (76°08′ с. ш.; 95°04′ в. д.).

Пленение корабля во льду продолжалось почти целый год, только 25 августа 1901 г. произошла первая подвижка льда, вынесшего „Зарю" в пролив Фрама.

30 августа „Заря" прошла Каторжный остров, а через 36 ч. была у мыса Челюскина.

„В 5 ч. утра (1 сентября 1901 г.) Матисен, стоявший на вахте, возвестил, что мы прошли мыс Челюскина. Я немедленно вскочил с койки и вбежал на мостик.

Итак, цель была достигнута. Перед нашими глазами маячил мыс Челюскина. Я пожал руки моим обоим офицерам".

Участники экспедиции высадились на берег для разносторонних исследований. На мысе был построен внушительный знак, покоящийся на круглом основании в виде пирамиды, завершенной глыбой кварца. Знак хорошо виден с моря и с восточной стороны.

Отсюда „Заря" была направлена к Новосибирским островам, где у острова Котельного провела зиму 1901-1902 г. В мае Толь и Зееберг, в сопровождении двух промышленников, отправились на остров Беннета. На обратном пути к стоянке судна все четверо погибли при неизвестных обстоятельствах. В 1903 г. Колчак, подошедший на боте к острову, нашел здесь документы Толя. Геологические коллекции Толя были вывезены Северной Гидрографической экспедицией только в 1913 г.

Эта экспедиция, в составе двух гидрографических судов „Таймыр" и „Вайгач", вышла летом 1913 г. из Владивостока с целью производства гидрографических работ между устьем Лены и Таймырским полуостровом.[1]

Суда прошли до моря Лаптевых при весьма благоприятных условиях и только 28 августа встретили лед у острова Св. Петра. Подымаясь вдоль восточного берега п-ва Таймыр, суда находились 1 сентября в 40 милях от мыса Челюскина. Невзломанный лед не дал возможности кораблям к нему подойти. Вдоль кромки льда они пошли на север и открыли восточный берег Северной Земли. На обратном пути суда в сентябре того же 1913 г. находились в 12 милях от мыса Челюскина.

Туда была направлена пешая партия в составе А. М. Лаврова, д-ра Старокадомского и 5 матросов, которая и поставила знак, впоследствии найденный нами.

В 1914 г. эти же два судна, направляясь с востока на запад в Атлантический океан, находились 2 сентября у мыса

---

[1] Попытка пройти в этот район теми же судами в 1912 г. кончилась неудачей из-за тяжелых льдов к востоку от Таймырского п-ва на широте 75°05' с. ш.

Челюскина, в районе которого было много льда. Пролив Вильк-ицкого был пройден у южного берега острова Большевик.

Оба судна зазимовали в начале октября в заливе Толя, к востоку от архипелага Норденшельда. На помощь кораблям был послан летом 1914 г. „Эклипс", под начальством О. Свердрупа. Это судно зазимовало у мыса Вильда к западу от архипелага Норденшельда, в 250 км от судов Северной Гидрографической экспедиции. В мае часть команды была снята с корабля и переправлена на „Эклипс". Отсюда

Знак Толя на мысе Заря.

они были доставлены на Гольчиху (на Енисее) на оленях, пригнанных сюда Бегичевым. „Таймыр", „Вайгач" и „Эклипс" летом 1915 г. прибыли благополучно в Архангельск. Северный морской путь был пройден вторично, на этот раз с востока на запад.

Следующей экспедицией, посетившей район мыса Челюскина, была норвежская экспедиция Руала Амундсена на моторном судне „Мод". Целью экспедиции было пройти у полюса центральным полярным бассейном, вмерзши в лед севернее Берингова пролива.

Пройдя через льды Карского моря „Мод" 31 августа была у острова Диксон. 6 сентября экспедиция подошла к архипелагу Норденшельда, а 9 сентября миновала мыс Челюскина. Через девять дней при своем движении на восток, принуждена был зазимовать в гавани Мод (77° 33′ с. ш., 105° 40′ в. д.), откуда корабль вышел лишь 12 сентября 1919 г.

Как мы указывали, во время одной из летних экскурсий этой экспедицией и был поставлен знак на мысе Челюскина.

Из приведенного краткого обзора плаваний у мыса Челюскина, мы видим, что до похода „Русанова", ни один корабль не стоял на якоре у мыса Челюскина. Всего проходило проливом Б. Вилькицкого 5 экспедиций: (Норденшельда—2 корабля, Нансена — 1 корабль, Толя — 1 корабль, Северной Гидрографической экспедиции — 2 корабля, Амундсена — 1 корабль) на 7 кораблях. Из всех экспедиций только участники трех (Норденшельд, Толь и Северная Гидрографическая экспедиция) высаживались на северном берегу полуострова Таймыр и только участники одной экспедиции Р. Амундсена побывали на мысе Челюскина. Таким образом, экспедиция на „Русанове" была третьей, посетившей крайнюю северную оконечность Азии после Семена Челюскина и первой, стоявшей у этого мыса на якоре.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Письма Амундсена и Свердрупа. — Тяжелая выгрузка. — Нападение моржа. — Огромные стаи белух.

Итак, каменная пирамида, у которой мы стояли, была памятником последней экспедиции, побывавшей здесь за тринадцать лет до нас. Но знак был так искусно сложен, что казалось, будто он сегодня сооружен. Как я говорил, пирамида была увенчена медным шаром, изображавшим земной шар, на котором была по норвежски выгравирована надпись:

ПОКОРИТЕЛЯМ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРОХОДА
АДОЛЬФУ ЭРИКУ НОРДЕНШЕЛЬДУ И ЕГО СЛАВНЫМ СПУТНИКАМ
ЭКСПЕДИЦИИ НА „МОД" 1918—1919.

Верхняя половина шара снималась и внутри его, — о, радость — оказались два письма, Амундсена и Свердрупа, пролежавшие там в полной сохранности втечение тринадцати лет.

Письмо Амундсена было собственноручно написано чернилами по-английски на бланке норвежской экспедиции из плотной белой бумаги, размером 15 × 20 см. Это письмо (в русском переводе) гласило:

„Экспедиция на „Мод".

Норвежская полярная экспедиция — экспедиция на „Мод" — миновала этот мыс — мыс Челюскина 9 сентября 1918 г., но была остановлена льдами несколько дней спустя у мыса Мод, на 77°32,6′ с. ш. и 105°40′ в. д. от Гринича — и принуждена была остаться там на зимовку.

Подробности, касающиеся нашей экспедиции, могут быть найдены в сооруженном нами главном знаке на восток от

острова Локвуд — в расстоянии 24 миль от этого места на зюд-ост 40° по компасу.

Все благополучно

Руал Амундсен.

Гавань Мод

Мая 1-го 1919".

Письмо Свердрупа было написано на таком же экспедиционном бланке, но карандашем.

Вот оно:

„Экспедиция на „Мод".

6-го и 7-го мая П. Кнудсен и Х. И. Свердруп определяли высоту солнца при помощи теодолита на мысе Челюскин.

Предварительное вычисление дало северную широту 77°43′,3.

М. Челюскин, мая 7-го 1919.

„Х. И. Свердруп".

На обратной стороне листа было приписано карандашем:

„Этот знак построен двумя членами упомянутой экспедиции 12 мая 1919.

Петер Л. Тессем

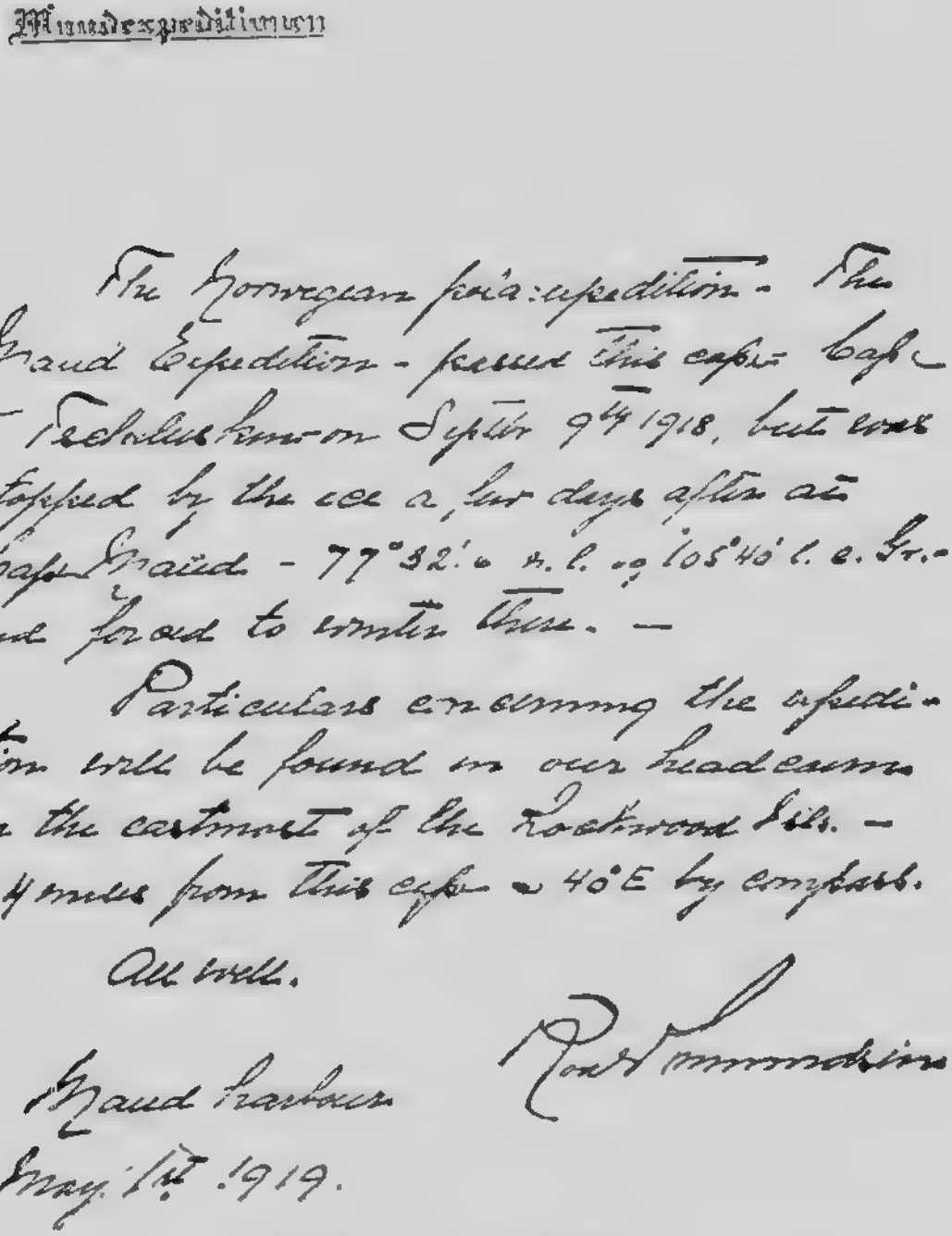
Эмануэль Тённесен".

Оказалось, таким образом, этот знак соорудил тот самый Тессем, который так трагически погиб у острова Диксона. Какая странная и печальная „встреча"!

Закончив обход берега и окончательно избрав место для постройки радиостанции, расположенное несколько восточнее знака поставленного Свердрупом на мысе Челюскина, мы вернулись на корабль. За наше отсутствие, на „Русанове" был подготовлен груз для переброски на материк. Так как место для постройки было точно намечено, выгрузка на берег началась немедленно. Приходилось, однако, неоднократно прерывать выгрузку, судно стояло на открытом месте, ветер и волны изрядно нам мешали, очень трудно было выгребать против волны. Я приказал поэтому протянуть трос к берегу: подтягиваясь по нему, можно было легче доставлять карбаса на берег.

У берега начался сильный прибой, хотя ветер был от зюд-веста, — это был, так называемый, „огибень" у мыса Челюскина.

Не легко было нашей команде. На берегу приходилось работать по пояс в холодной воде, разгружая карбаса.



Найденное письмо Амундсена.

Ветер все более усиливался, поэтому нам пришлось на этот раз выгрузку прекратить, но вместе с тем мы пользовались каждым моментом ослабления силы ветра, чтобы все же продолжать переброску грузов.

На следующий день, 23 августа, на берегу у мыса Челюскина высились громады строительного материала, бочек и ящиков, необходимых для наших зимовщиков. Нам приходилось также заботиться о топливе для них, ибо плавника на северном берегу Таймыра почти совершенно не было, были лишь отдельные небольшие бревна, но повидимому очень древнего происхождения, так как лес казался сгнившим, расщепленным и был покрыт мхом.

В связи с поднявшимся сильным штормом и невозможностью по временам производить дальнейшую выгрузку, у нас возникла мысль, не следует ли перенести, пока не началась постройка, радиостанцию в какое либо другое место. Однако, подробная рекогносцировка берега показала, что лучшего места нам не найти, и, хотя мы сознавали некоторые неудобства избранного нами района, но, на совещании командного состава с участием североземельцев, окончательно было решено выгрузку продолжать.

Замечательно, что льда в проливе Вилькицкого совершенно не было, иногда лишь у западного входа в пролив появлялись айсберги, которые течением уносило на восток и северо-восток.

Производя тяжелую работу выгрузки, мы вместе с тем находились в постоянной радиосвязи, как с материком, так и с „Сибиряковым". Как раз в этот день я получил известие о том, что летчик нашего института И. К. Иванов, нагонявший лётом „Сибиряков", разбился у Мудьюги. Самолет погиб, экипаж, по счастию, отделался лишь сравнительно легкими поранениями.

В этот же день наш моторный бот потерпел аварию. Его разбило у берега, и пришлось гнать карбаса на веслах. Впрочем судовой кок оказался старым „судостроителем"; за сутки он прекрасно исправил корпус моторного бота, и на следующий день он снова вступил в строй

„Русанов" стоял довольно далеко от берега, в расстоянии, примерно, полумили и нашему старшему штурману Н. И. Храмцову поручалось произвести промер, и подвести корабль возможно ближе к месту выгрузки. Едва только два матроса со штурманом спустились в шлюпку, как на поверхности воды показалась огромная туша моржа. Наши моряки не успели взяться за оружие, как морж быстро приблизился к шлюпке и клыками с страшной силой ударил ее в левый борт. Но удар пришелся вдоль борта и не оказал, по счастию, никакого вреда шлюпке. В тот же момент раздался выстрел нашего капитана Бориса Ивановича, находившегося

на мостике. Моржа отогнали, но вскоре он все же был застрелен Храмцовым. Зверь еще плавал на воде. Воспользовавшись этим, Храмцов всадил гарпун в спину моржа и потащил на буксире к судну, два гребца никак не могли выгрести, так тяжела была туша моржа. Пришлось спустить на воду большой карбас, в него село человек двенадцать нашей команды, и стали осторожно буксировать тушу, но она, к общей досаде и разочарованию, сорвалась

Выход сланцев восточнее мыса Челюскина.

вместе с гарпуном и пошла ко дну. По этому случаю на голову моржа пало не мало матросских благословений. Вообще, вокруг судна было видно большое количество моржей, в тот день я видел их не менее десятка.

Морж (*Odobenus rosmarus)* принадлежит к семейству ластоногих и представляет собой крупного зверя, длиною от 4 до 5 м, при толщине в $2^1/_2$ — 3 м и весе около 1000 кг. Как и у тюленя, туловище его утолщено по середине и суживается в задней части; по бокам и снизу выступают конечности, ласты, при помощи которых морж передвигается, как в воде, так и на суше; морда у него короткая и тупая, по обеим сторонам ее имеются роговые щетинистые усы, длиною до 10 сант.; в передней части рта два крепких

клыка, выступающих вперед и книзу, они бывают иногда длиною до 80 сант., весом в среднем от 2 до $3^1/_2$ кг. Цвет кожи старого и молодого моржа темно-бурой окраски.

Еще в конце XV столетия моржа встречали, как постоянного обитателя, у шотландских берегов, в настоящее время моржи оттеснены далеко на север и держатся по преимуществу у берегов Земли Франца-Иосифа, Новой Земли, у северных и северовосточных берегов Сибири и у острова Врангеля. У северного побережья полуострова Аляска морж встречается также довольно часто. До половины XIX столетия он нередко бывал у Алеутских островов, но дальше к югу не встречался. Еще в начале этого столетия моржа били у Медвежьего острова (расположенного на середине пути между Мурманском и Шпицбергеном) в столь большом количестве, что в день добывали тысячи штук. Теперь он там совершенно не появляется.

Моржи обычно держатся по близости от берегов или морского льда. Там они собираются в лёжбища, проводя свою жизнь в более или менее многочисленном сообществе. Одна льдина может служить пристанищем двадцати и более моржам; чаще всего их туловища плотно прилегают друг к другу со склоненными на сторону головами. Там, где не встречается человек, моржи обыкновенно не отличаются чуткостью, при спячке всего стада все же один из моржей бодрствует, находясь на страже.

На суше и по льду морж движется неловко и тяжело, передвигаясь с помощью лопастей. При взлезании на отвесную льдину он прибегает к помощи клыков, но зато в воде он чувствует себя как дома и движется чрезвычайно быстро и ловко, может догнать любую лодку, обнаруживая при этом большую выносливость. Голос его очень неприятен и похож на рев коровы.

Трудно сказать, кто из двух наиболее сильных животных Арктики — морж или медведь — являются более могущественными. У мороз существует пословица: „Бойся медведя на суше, а моржа на воде". Действительно, на воде морж является победителем над медведем. Трудно сказать, как дело происходит на суше или на льду. Во всяком случае, по рассказам промышленников, между этими двумя животными происходят иногда ожесточенные и кровопролитные бои.

Морж питается исключительно животной пищей, потребляя, главным образом, раковины. Кроме низших морских животных морж ест также рыбу и при известных случаях даже мясо больших морских млекопитающих.

Охота на моржей происходит при помощи огнестрельного оружия, причем она совершенно безопасна на льду, в воде же представляет большие трудности, ибо раненый морж никогда не уходит, а наоборот старается защитить себя, нападая на лодку охотника.

В жизни туземцев морж является большим подспорьем. Сало идет на отопление и освещение, мясо употребляется в пищу, а кожа для лодок, палаток и пр. Клыки моржа

За выгрузкой. Налево геолог Аллер, направо геофизик Фокидов.

также идут в дело. На европейские рынки поступает в продажу кожа, жир и зубы моржа; кожу дубят, жир вытапливается, клыки отделывают под слоновую кость.

Наша выгрузка шла весьма интенсивно, на берег то и дело направлялись, как говорил наш третий механик, „сытые карбаса", груженные с верхом.

Я удивлялся умению нашей команды работать. Каждый из матросов или кочегаров, почти акробатически балансируя, должен был в соответствующем порядке размещать тяжелые бочки, ящики и прочий груз на карбасе, все время подбрасываемом волною. Потом эти огромные лодки нужно было доставить к берегу и, наконец, самое трудное, выгрузить их на прибое, почти все время находясь в воде. Я

с восхищением смотрел на работу наших ребят, трудившихся, буквально не жалея себя.

Но с неменьшим одобрением должен я отозваться также и о научных сотрудниках экспедиции, которые работали выше всякой похвалы, без отказа, препирательств или неудовольствия, они участвовали в выгрузке наравне с командой и работали просто и деловито. Молодцом оказался также наш „писатель", как его назвала команда, украинец Трублаини. Вместе с командой и научными сотрудниками он выполнял тяжелую работу, в которой и я старался принимать посильное участие.

Время шло быстро и дело весело двигалось вперед. Утром 25 августа, выйдя на мостик из своей каюты, и бросив взгляд на берег, я с радостью увидел сарай, белеющий свежим деревом, и намеченный контур дома, окантованный стойками и стропилами.

Один из трюмов был выгружен целиком. Самое тяжелое дело было выполнено: строительный материал, кирпич, доски, фанера, бревна были на берегу; глину и песок, которые мы взяли в Архангельске, выбросили за борт, так как и того и другого оказалось в достаточном количестве на берегу в природных условиях. Это обстоятельство значительно ускорило нашу работу.

В тот же день переправили на берег наш „скотный двор" — коров, свиней и корм для них. Таким образом свиней поселили на самой северной оконечности Азиатского материка. И думаю, они были самыми северными свиньями в мире. По берегу бегали наши собаки, отправленные туда с одним из первых карбасов. На судне остался только небольшой бычек, осужденный на смерть для пропитания участников нашей экспедиции. Вероятно, в предчувствии своей печальной участи, он все время жалобно мычал. Его мычанье прерывалось громким ревом белого или вернее очень грязного „Мишки", помещавшегося в тяжелом ящике — коробке из двух-дюймовых досок. Вел он себя довольно мирно, иногда только отчаянно рычал, вспоминая, вероятно, вольную волюшку свою и зло смотрел черными, как угольки, глазами на проходящих людей.

В этот же день доставили на палубу того самого моржа, который был убит накануне. Он всплыл на поверхность воды и затем был поднят на штропах на судно. Один клык моржа сбили повидимому пулей. Убитый морж распространял вокруг себя смердящий запах, пришлось свести его на берег и там разделать тушу.

К вечеру, когда рабочие на берегу уже спали, можно было наблюдать интересную картину: к постройке спокойной, размеренной поступью приближались два белых медведя. Они с любопытством осматривали ящики и дома и затем, повидимому, не найдя в них для себя ничего интересного, повернули обратно и с тем же спокойствием удалились.

Груз на берегу находился у самого прибоя, пришлось перетащить его на верхнюю террасу берега, ближе к постройкам. На эту работу пришлось поставить всю нашу

На мысе Челюскина. Убит морж. На якоре „Русанов".

„науку" и действительно, научные работники в два дня перетащили все необходимое на верх.

Уже к вечеру 26 августа выгрузка закончилась, остался один только уголь, которого я приготовил 70 тонн из расчета на два года. На следующий день началась выгрузка и через сутки намеченное количество топлива было на берегу.

Днем мы видели огромное стадо белух. Насколько видит глаз, всюду белели их белые спины. Описывая крутую параболу, они показывались на поверхности воды, чтобы затем плавно уйти под воду. То там, то здесь мелькали их грузные тела и все море казалось вспененным этими огромными морскими зверями.

Белуха — *Delphinapterus leucas* — относится к виду зубастых китов семейства дельфинов.

Белуха распространена главным образом в северных морях: у берегов Сибири, Новой Земли, Шпицбергена, Гренландии, у побережья Канады и Аляски. В Белом море белуха также довольно многочисленна.

Тело белухи удлиненное и к концу суживающееся, отличается торпедообразной формой. Морда белухи коротка и имеет спереди тупую форму с выпуклым лбом и нижней челюстью, которая короче верхней. Зверь достигает 5 — 6 м длины и имеет до 1000 кг веса.

Свое название б е л у х а получила от белого цвета кожи, лишенного волосяного покрова. Молодые животные имеют грязновато-серый цвет кожи, почему и называются „серяками". Старые животные имеют желтый цвет кожи и носят название „желтяков".

Образ жизни белуха ведет общественный и стаи ее, юр по поморски, достигают 1 000 и более голов. Придерживаясь по преимуществу берегов, это животное нередко подымается вверх по рекам, ища себе пищу (питаются рыбами).

В поисках за пищей в свободных от ледяного покрова морских водоемах, белуха совершает большие переходы из одних северных морей в другие. Миграция белухи вызывается тем, что этот зверь может держаться только в водоемах, свободных ото льда. Органами дыхания белухи служат легкие и потому она не может долго оставаться под водой, это и заставляет ее быть в водоемах не покрытых льдом. Питательные рессурсы при миграции играют также немаловажную роль.

У острова Диксон и вообще в Енисейском заливе белуху промышляют особыми стальными сетями, „половинками", называющимися так потому, что раньше промышленники при постановке их связывали две сети вместе, и каждая сеть являлась половиной полной снасти. Сеть расчитана на объячеивание животного. Ячея составляет около метра от узла до узла по стороне квадрата. Половинки ставят всегда перпендикулярно к бе, егу с тем, чтобы они доходили до дна, иначе белуха не попадет. Белуха запутывается в сеть чаще всего хвостовым плавником, захлебывается и тонет. Пойманную таким образом белуху привязывают к борту лодки, вывозят на берег и разделывают. Для выкатывания на берег требуется 4 — 6 человек. Зимовщики Северной Земли выкатывали зверя при помощи специально приспособленного ворота.

Белуха ценна салом, кожей и мясом. В полярных условиях кожа идет на запряжки собак, оленей, скрепления нарт и пр.

На европейском рынке сало применяется для технических надобностей, а кожа, толщина которой достигает 1 — 1,5 см, идет на изготовление трансмиссионных ремней, подошвы, шорных изделий. Количество сала, даваемое одной белухой, доходит до полутонны. Оно является более ценным, чем тюленье. Общая стоимость продукции одной белухи по твердым ценам, равняется 100 рублям и больше.

Пока строился дом мы вели текущие метеорологические

Постройка дома радиостанции на мысе Челюскин. Направо у дома видна лошадь—первая на мысе Челюскина.

и гидрологические наблюдения и составили план дальнейшей работы.

В то время нас особенно беспокоило отсутствие радиосвязи с Северной Землей, мы не слышали ее и не могли ее дозваться, не мог поймать сигналы ее также и мыс Желания. Как всегда в таких случаях, высказывались различные предположения относительно их молчания. Я спокойно относился к молчанию североземельцев и был уверен, что все дело заключается в неисправности радиостанции. Поэтому я предложил нашему радисту добиться связи во что бы то ни стало, опасаясь, что в случае отсутствия ее нам придется снова посетить Северную Землю, а это может сорвать весь план нашей научно-исследовательской работы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Прилет мощного самолета „КОМСЕВЕРПУТЬ 2". — По воздуху на Северную Землю. — Геологическая экскурсия. — Построена самая северная обсерватория Евразии. — Опять на Северную Землю.—Русская Гавань.—Возвращение.

С утра 29 августа шел мелкий дождь, было тепло и наступил полный штиль. Рабочие строили здание на берегу, выгрузка на берег закончилась, и приятно было ходить по палубе, совершенно свободной от бревен, досок, ящиков и бочек. Даже один из карбасов мы могли уже поднять на палубу. Пароход сильно поднялся из воды, — облегченный от груза, он равномерно покачивался на волне. В этот день опять на берегу был замечен белый медведь, и на спущенной на воду шлюпке охотники быстро приближались к берегу. Медведь, увидевши шлюпку, поднял морду вверх, усиленно нюхая воздух и забеспокоился. Раздался выстрел. Зверь вздрогнув побежал к морю. Он уже был на половину в воде, когда его настигла другая, на этот раз роковая пуля. Медведь ткнулся носом в щебень и остался наполовину лежать в воде. Охотники здесь же на месте стали разделывать тушу.

Когда я был на берегу для осмотра построек, в воздухе вдруг послышался шум пропеллера и через несколько минут из-за строений с юга показался большой самолет. Всех охватил необыкновенный подъем при виде этой мощной птицы, парившей над побережьем. Раздались крики приветствия, все махали шапками, платками. Это прилетел А. Д. Алексеев с товарищами на самолете „Комсеверпуть 2".

Самолет сделал большой круг над „Русановым", пошел плавно на посадку, мастерски сел на воду, и подрулил к корме корабля. На моторном боте я подошел к самолету и приветствовал наших летчиков. Их было пятеро: Алексеев, А. Д., мой спутник по спасательной экспедиции на ледоколе „Красин" в 1928 г., командир самолета и летчик наблюдатель;

Козлов, М. И. небольшого роста с острыми светлыми глазами, первый пилот; высокий бритый первый бортмеханик Побежимов; Г. Т., Телеутов, Я. Е. второй механик и Жуков, М. Н. радист.

Мы пригласили наших дорогих гостей на корабль, в кают-компанию, и старались их угостить самыми лучшими нашими явствами. Я рад был видеть, с каким зверским аппетитом принялись они за уничтожение всего, что находилось на столе.

„Русанов" (направо) и „Таймыр" у мыса Челюскин.

Мне было до того известно о намерении Алексеева прилететь на Челюскин, но, не получая от них запросов, я не давал им сведений о погоде, тем более, что о-в Диксон уже несколько дней до того не принимал от нас радиограмм, у него происходила зарядка батареи.

Алексеев рассказывал, что он утром этого же дня вылетел с Диксона, где свирепствовал 11-ти балльный шторм. Самолет уже через 4 ч. 16 м. был в заливе Миддендорфа. Здесь он остался около часа для проверки организованной в этом месте топливной базы, после чего вылетел на мыс Челюскина, пройдя расстояние от Миддендорфа до Челюскина в 3 ч. 18 м.

Алексеев собирался далее к Северной Земле. Этот полет был важен во многих отношениях. Прежде всего нужно было установить место для авиобазы на Северной Земле, кроме того целесообразно было, хотя бы визуально, проверить съемку, произведенную зимовщиками на Северной Земле. Именно поэтому Н. Н. Урванцев выразил желание полететь вместе с А. Д. Алексеевым. Ему в особенности было важно увидеть с высоты ту самую землю, которую он с таким трудом и энергией объехал вместе с Г. А. Ушаковым на собаках при самых тяжелых условиях.

Самолет догрузился топливом (4 бочки). Я был очень рад, что не оставил это горючее на Северной Земле. Наши летчики после отдыха, закусив еще раз весьма плотно, стартовали в тот же день в 21 ч. 20 м., имея на этот раз на борту шесть человек.

Погода была, как бы по заказу для полета, вполне благоприятна. После нескольких дней ненастья и сильных ветров, наступило полное затишье. Над нами простиралось голубое, безоблачное небо, освещенное яркими лучами желтеющего солнца.

Довольные, бодрые, с новыми силами, летчики полетели дальше. Стоя на капитанском мостике, я наблюдал, как самолет, оторвавшись от воды, пошел к мысу Неупокоева. Шум пропеллера становился все слабее и, наконец, едва видимая точка самолета скрылась где то далеко за морем.

Возбуждение на корабле постепенно улеглось, хотя в душе не переставало жить тревожное чувство за судьбу шестерых товарищей, несшихся на стальной птице к северу. В кают-компании еще долго обсуждалось большое событие и многие разошлись по своим койкам лишь поздно ночью.

30 августа продолжала стоять ясная погода. Воздух был настолько прозрачен, что в 7 ч. был виден совершенно отчетливо берег Северной Земли. В этот же день в 11 ч. 30 м., самолет с шестью пассажирами благополучно вернулся к мысу Челюскина. Такова быстрота передвижения по в здуху. Он снизился на ближайшую лагуну и с корабля видно было, что у летчиков произошло что-то неладное с посадкой. Я сейчас же на моторе отправился туда к ним, но вследствие малой глубины, мотор не мог войти в лагуну. Тем временем на резиновой лодке, спущенной с самолета, Урванцев подошел к нам. Он был в восторге от совершенного полета. — „Теперь я до конца жизни буду поклонником фотограмметрической съемки“, — сказал он, но прибавил, однако,

что предварительно должны быть в таких случаях определены астрономические пункты.

Нужно сказать, что пока мы дошли на моторе к берегу, с нами самими едва не случилась авария. У берега был сильный прибой, мотор у нас остановился и нас стало бить о камни. Корпус едва не был разбит, но по счастью нам удалось в последний момент завести мотор, он заработал и мы вышли мористее.

Команда самолета „Комсеверпуть 2".

Самолет, оказывается, стоял на мели и вокруг него в длинных резиновых сапогах бродил Алексеев, стараясь найти подходящую глубину. Видя затруднительное положение летчиков и не будучи в состоянии пройти на моторе в лагуну, из-за малой глубины ее, я решил вернуться на пароход, чтобы захватить с собою людей на помощь. По дороге мотор снова встал, нас начало относить в море, но к счастью это случилось не в далеке от парохода, нам выслали карбас и на буксире подтянули к „Русанову". Едва мы подошли к кораблю, как услышали с берега крики летчиков, они оказывается прошли берегом. Вскоре их переправили на „Русанов" насквозь промокших и сильно уставших.

В машинном помещении наши путешественники пере-

оделись во все сухое и затем направились в кают-компанию, где им предложили прежде всего горячий чай и закуску.

Алексеев и его товарищи были чрезвычайно довольны своим полетом, хотя и находили, что посадка у острова Каменева не вполне благоприятна для гидросамолетов. По сообщению А. Д. Алексеева полет туда от мыса Челюскина продолжался 4 ч. 30 м., обратно 3 ч. 30 м.; на острове Каменева летчики пробыли около 7 ч., летели они со скоростью 110-140 км, в среднем 125 км, держась высоты 150 м над уровнем моря. Только над фьордом Тельмана они поднимались на высоту до 500 м. Интересно отметить, что когда они летели к острову Каменева, то туман держался преимущественно над землей, на обратном же пути туман скрыл море. Наилучшую авиобазу, по мнению летчиков, они нашли в заливе Калинина, другие места они считали мало подходящими. Огибая мыс Неупокоева, летчики видели там гидрографическое судно „Таймыр".

Усталые до изнеможения все пятеро завалились спать и проспали часов 16-17. Самолет тем временем был оставлен в безопасном месте в лагуне. Опасений за его судьбу не было никаких, разве что властелин этой земли, белый медведь мог им заинтересоваться. После отдыха летчики, два штурмана, 4 матроса , Урванцев и я, забрав необходимые инструменты, отправились в лагуну вызволять самолет. Вследствие отлива, воды оказалось меньше, чем накануне. Завели якоря на талях, при работе моторов стали стаскивать самолет. Несколько часов мы тщетно бились, бродя вокруг машины по пояс в воде. Только около 18 ч., когда вода стала прибывать, мы заметили некоторую подвижку самолета. Три якоря были заведены на косу. Разделившись на двое, мы стали справа и слева раскачивать самолет, затем, взявшись за тали, принялись стягивать его к более глубокому месту. С трудом самолет сдвинулся вперед. Мы брали сантиметр за сантиметром, метр за метром и наконец в 19 ч. тяжелый „Дорнье Валь" оказался на плаву. Все облегченно вздохнули, но это было еще не все, — работа еще не кончилась, надо было самолет вывести из лагуны. Бродя выше пояса в воде, Урванцев и наш штурман Храмцов стали за конец буксировать его и благополучно подвели к выходу из лагуны. Здесь все вздохнули свободно, выжали насквозь промокшее платье и вылили воду из сапог. Самолет же самостоятельно подрулил к берегу и стал у радиостанции. Я отправился пешком в том же направлении. Летчики по-

ехали на судно слегка подкрепиться, а механики выехали к берегу для зарядки самолета топливом.

31 августа к 4 ч. туман рассеялся и в 4 ч. 30 м. летчики, во главе с Алексеевым, стартовали на остров Диксон.

1 сентября вместе с Урванцевым, его женою, являющейся нашим судовым врачем, и Трублаини мы переправились на берег, чтобы произвести некоторые геологические исследования в районе восточнее мыса Челюскина.

Переночевав в незадолго до того отстроенном здании радиостанции, мы на следующий день рано утром, в сопро-

Самолет „Комсеверпуть 2" в лагуне.

вождении нашего топографа Н. Н. Колчина, направились на небольшой шлюпке к востоку. Высадившись предварительно на косу и оставив здесь Колчина для топографической съемки, мы направились в восточном направлении. Здесь нам особенно интересно было геологическое строение близь лежащего залива, не имеющего пока названия.

Залив, расположенный к востоку от мыса Челюскина, названный Амундсеном заливом Павлова, вдается в берег на 5 миль и имеет ширину около 4 миль. В глубине залива находится довольно большое озеро, от-

деленное от него песчаною косою, на которой нами было замечено некоторое количество плавника, довольно старого, расположенного с внутренней стороны косы. На западном входном мысе этого залива высился небольшой гурий в полчеловеческого роста, водруженный, повидимому, партией из экспедиции Бориса Вилькицкого в 1914 г. Оставив наших спутников на этом берегу, мы втроем направились на восточное побережье неизвестного залива. Нас привлекла желтая порода, видневшаяся издалека. Через полтора часа мы были уже на побережьи, и только ночью вернулись обратно на судно. Порода оказалась конгломератом, заключенным в темных сланцах.

Я был доволен, когда узнал о получении телеграммы, в которой А. Д. Алексеев сообщал о благополучном прибытии на остров Диксон. Он в ней выражал благодарность за оказанную его экипажу помощь.

В этот день к вечеру постройка была закончена. В 10 ч. 30 м. утра пришло к мысу Челюскина гидрографическое судно „Таймыр". Расцвеченный флагами, корабль бросил якорь в двух кабельтовых от „Русанова". Я послал нашего капитана-гидрографа И. П. Ануфриева и второго штурмана приветствовать прибытие этого судна, которое 18 лет тому назад первым из русских судов появилось у мыса Челюскина. В ответ на мое приветствие к борту „Русанова" подошла шлюпка и по трапу поднялись начальник экспедиции А. М. Лавров, проф. Шулейкин, В. А. Березкин и некоторые другие сотрудники гидрографической экспедиции.

Как всегда водится в таких случаях, пошли взаимные расспросы, осведомления. Оказалось, „Таймыр", пройдя с Новой Земли к острову Визе, сделал затем переход к Северной Земле, где производил гидрографические работы у западного его берега, по преимуществу в проливе Шокальского, посетив его после нас.

После отъезда наших товарищей, мы отправились к ним с ответным визитом. Вместе со мной были Ушаков, Урванцев, их жены, Добронравов, Львов и Вагин. Хотя я часто видел этот корабль до того времени, но никогда не был на нем, поэтому я с большим интересом, так же, как и мои спутники, осматривал л/п „Таймыр", приобретший в деле плаваний в полярном море почетную известность.

Совместно с таймырцами мы сделали высадку на берег, а в 20 ч. в их присутствии подняли радиомачту, высота которой была 26 м. В этот же день к вечеру был устроен

товарищеский ужин, совместно с нашими зимовщиками. Он прошел очень оживленно и весело, казалось, что мы расстаемся с нашими друзьями не на полтора года, а на гораздо более короткий срок. Зимовщики довольны были, что наконец получили в свое распоряжение дом, баню, сарай и особую пристройку для скота.

Убравшись на корабле и приготовив его для плавания, мы 5 сентября в 11 ч. вышли в пролив Вилькицкого для гидрологических работ.

Все силы были положены на снятие самолета с мели.

Нашей целью было изучение гидрологического режима этого пролива, который соединяет Карское и Сибирское моря. В процессе работ мы близко подходили к юговосточной части острова Большевик, у которой держался лед. В проливе же льда мы нигде не видели и только у самого берега Северной Земли был замечен мелко битый лед, плотностью не больше одного балла.

6 сентября с утра задул зюд-ост (юговосточный ветер), пошла порядочная волна, так что даже невозможно было взять гидрологическую станцию у самого острова, к тому же ночи стали довольно темные, поэтому приходилось работать при электрическом освещении.

С другой стороны на судне стало очень удобно производить работы, так как все доски, бревна, палубный груз, также скот, были давно убраны с палубы на мыс Челюскина. Из нашего скотного двора осталась лишь одна осиротевшая свинья, которую наши ребята почему-то называли „донна Клара". На следующий день мы продолжали наши гидрологические работы, но уже 8 сентября, когда мы шли по направлению к острову Уединения, крепкий ветер и сильная волна не дали нам возможности произвести даже первую станцию гидрологического разреза по направлению к этому острову.

Меня очень беспокоило отсутствие радиограммы с Северной Земли. Демме должна была дать первое известие 5 сентября, т. е. три дня тому назад. Я созвал совещание при участии капитана, Ушакова, Урванцева, Михайлова, Ануфриева, на котором, с моего одобрения, решено было повернуть к Северной Земле, чтобы, в случае необходимости, оказать им помощ.

Идя все время в штормовой погоде, мы 9 сентября около 15 ч. подошли к острову Каменева, но наступившие сумерки и туман не позволили нам приблизиться к берегу. Пришлось всю ночь и часть следующего дня продрейфовать у острова. Внезапно раскинувшийся туман дал нам, наконец, возможность подойти ближе к острову. Вот показался маленький мысок, на котором стоял, казавшийся игрушечным, домик зимовщиков, а над ним, у мыса, высилась радиомачта.

Во время нашего плавания и при подходе к берегам, оказывал нам прекрасную службу эхолот, который давал нам каждые 5 минут необходимые глубины. Огромные волны ходили у берегов острова Каменева. Обогнув косу, мы все ближе подвигались к знакомым местам. Видно было, как на мыске появлялись один за другим североземельские зимовщики; взвился флаг на радиомачте, на корабле загремела якорная цепь, — „Русанов" во второй раз стал на якорь у острова Каменева.

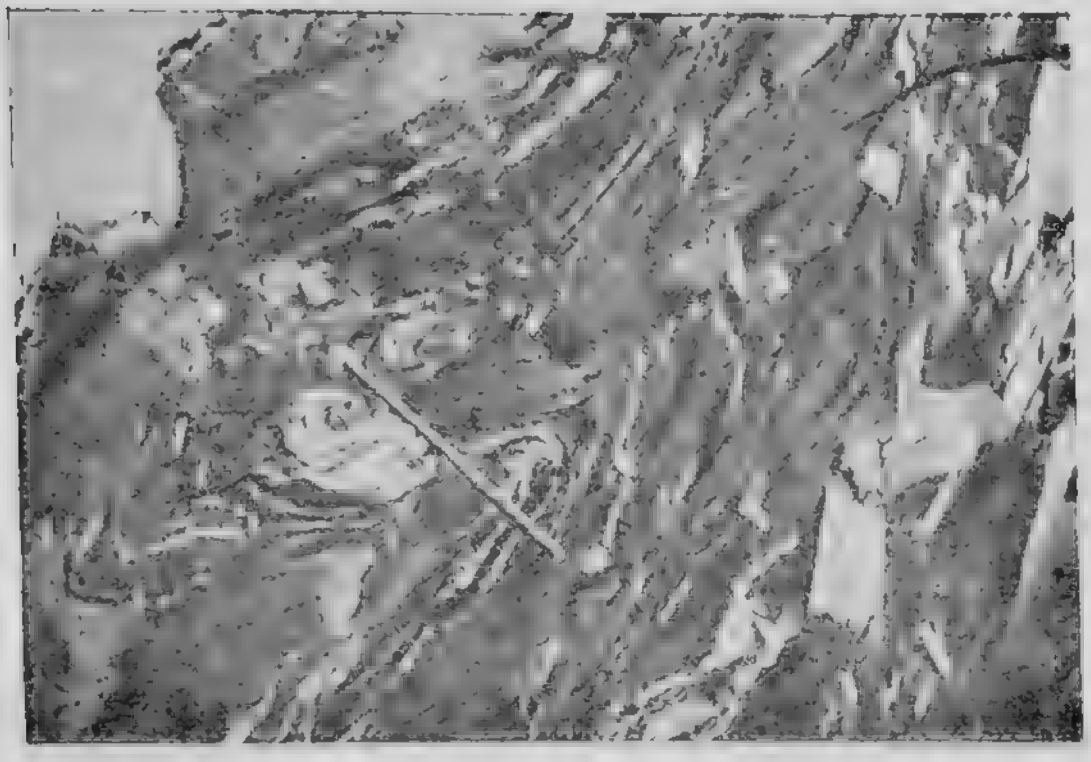
Мы спустились в кают-компанию и слышно было, как в проливе застучал отрывисто, как швейная машина, мотор. Вскоре в каюту вошли североземельцы, раскрасневшаяся Демме и ее спутники. Первым был мой вопрос:

—Все-ли благополучно?

—Не вполне, — был ответ.

Впрочем мы уже при подходе это заметили. Правда, все оказалось на прежнем месте — радиомачта высилась над

островом, работал ветряк, маленький домик виднелся среди груды ящиков и бочек. Но вся беда заключалась в том, что шторм действительно нанес большой урон зимовщикам и что еще не был по настоящему налажен мотор для радиостанции. На мысу острова сильным морским прибоем размыло часть коренной породы, а на низменном берегу намыло большое количество щебня, доходившего до самого дома. Кроме того, вода смыла часть топлива и продовольствия, так что



У мыса Челюскина. Микроскладка сланцев.

зимовщикам пришлось потратить немало усилий для переноса оставшихся запасов в безопасное место подальше от морского прибоя.

Помещение домика имело обжитой вид, был наведен порядок и чувствовался уют. У нас осталось впечатление, что Демме пользовалась у своих спутников авторитетом. Мы тотчас же оказали всемерную помощь зимовщикам, сгрузили им еще 10 тонн угля, общим авралом привели в порядок груз на берегу и 11 сентября в 11 ч. пошли по направлению мыса Желания.

Шли мы все время при сильных ветрах, так что гидрологических работ невозможно было производить. Ночи стали в это время уже совершенно темными.

13 сентября мы находились в 60 милях к северу от мыса Желания. Дул сильный зюд-вест до 9 баллов, но мы продвигались вперед без особых приключений. Нашей целью был заход в Русскую Гавань для оказания содействия оставшейся там на зимовку экспедиции Всесоюзного Арктического института.

15 сентября в 11 ч. мы бросили якорь в бухте Воронина, в Русской гавани. Несмотря на сильный ветер, от берега, находящегося на расстоянии мили, отделилась шлюпка, которая почти не продвигалась вперед из за сильного ветра. Я различил в шлюпке несколько фигур, и в том числе моего сына Владимира, который находился тогда вместе с зимовочной группой. Я с напряжением смотрел в бинокль на сидящих в шлюпке, когда налетел сильный заряд со снегом и шлюпка исчезла из виду. Тогда я спешно пошел им навстречу на судовой шлюпке. Ветер был крепкий и четыре матроса едва выгребали против волны. Издали мы заметили, как зимовщики уже шли по берегу по направлению к судну. Как потом оказалось, шлюпку залило водой и им пришлось в экстренном порядке повернуть к берегу. Через полчаса мы были уже у новой радиостанции. На берегу виднелся небольшой домик и сарай. Оба здания были еще недостроены, так как у новоземельцев было всего 8 рабочих.

Яша Ардеев, замечательный стрелок, сейчас же гостеприимно предложил нам свежей оленины. За час до этого он убил трех оленей, подошедших к самому дому. Рабочие и „научники", как там называли научных работников, жили в недостроенном сарае, что было, конечно, крайне неудобно. Я мобилизовал наших рабочих для скорейшей достройки радиостанции.

16 сентября стояла прекрасная погода, которая в значительной мере облегчила работу. Вместе с Владимиром и капитаном Ерохиным я отправился к глетчеру, которому я дал имя Шокальского еще в бытность мою здесь в первый раз, в 1927 г. Глетчер занимает все пространство северовосточного берега Русской Гавани, шириной, примерно, в $^1/_2$ км, он спускается непосредственно в воду залива, его крайняя часть покрыта многочисленными глубокими трещинами, но уже несколько сот метров вглубь материка, у морены, он имеет совершенно гладкую и ровную поверхность, которая, как мне кажется, весьма удобна была бы для подъема на

ледовый щит при помощи аэросаней, оставленных нами для зимовочной партии на Новой Земле.

Состав Ново-Земельской экспедиции был невелик. Кроме начальника ее, молодого геолога М. М. Ермолаева, в нее

„Таймыр" бросил якорь у мыса Челюскина.

вошли: профессор М. Н. Карбасников—климатолог, А. И. Зубков—геоботаник, немецкий ученый доктор Курт Вёлькен, участник экспедиции в Гренландию Альфреда Вегенера, механик В. Э. Петерсен и ненец Яша Ардеев. Весь состав экспедиции представлял собой дружный, сплоченный коллек-

БИБЛИОТЕКА

тив, которому пришлось гораздо труднее, чем всем остальным нашим зимовщикам.

Они были доставлены на Новую Землю на небольшом судне „Белуха", поэтому решительно всю работу погрузки в Архангельске, выгрузки на Новой Земле, наконец в значительной мере постройку дома приходилось совершать самим участникам научной экспедиции. Жили они тесной семьей, членом которой стал также и мой маленький сын. По мере сил он помогал им в работе и вызвал к себе доброе отношение. Смеялись только над его любовью к сладкому молоку. В связи с этим каждая консервная банка такого молока подавалась с особой аптечной этикеткой, на которой сверху стояло: „Аптека имени Е. Урванцевой" „№ 00 Самойловичу-Владимиру. Молоко сгущенное. На один день по коробке". Дата, а ниже самодельная печать Наркомздрава и подпись: „Медснабторг. Русская Гавань".

Все участники зимовки особенно блаженствовали, когда им представилась возможность принять ванну на ледоколе „Русанов". Доктор Вёлькен испытывал настоящее наслаждение после ванны, в чистом белье и платье, расположившись в моей рабочей каюте за настоящим письменным столом, развернув на нем хорошую немецкую книгу, он мог поработать там весь день. Вечером мы все вместе играли в поккер на спички.

Тем временем работа на берегу шла полным темпом. Нам пришлось в доме много переделать, так как строительные рабочие, завезенные на Новую Землю, оказались мало опытными.

18 сентября в 21 ч. все было закончено и радиостанция, налаженная В. В. Иванюком, прекрасно начала работать. Она устроена была очень компактно и вся помещалась в обычном письменном столе. Весь вечер береговая радиостанция переговаривалась для пробы с нашей станцией на „Русанове".

Доктор Вёлькен продолжал блаженствовать на корабле, а с ним и некоторые зимовщики с Русской Гавани. Ермолаев, Карбасников и Яша Ардеев оставались все время на берегу, заканчивать последние работы. Яша так и не выкупался, но зато он все время бродил по берегу и с замечательным искусством бил тюленя, которого кроме него никто не замечал. Вот уж у кого собаки не останутся без корма!

Я воспользовался свободной минутой, чтобы вместе с капитаном сходить к старому кресту, на маленьком островке, носящем по старинному название острова Богатого. Я открыл его еще в 1927 г.

Мы не могли дать нашим зимовщикам специального радиста, поэтому нам надо было оставить радиостанцию в полном порядке, наладив ее на целый год. Мы всю ночь тщательно испытывали радиоустановку.

Поднятие флага СССР на радиостанции Северной Земли.

Перед отъездом для новоземельских друзей в кают-компании были устроены сердечные проводы. Почти до утра раздавалась музыка и пение, речь на разных языках (русском, немецком, ненецком), пляска и танцы. К утру мы простились с новоземельцами более сердечно, чем когда либо, мы салютовали им залпами из винтовок, гудками и флагами.

19 сентября в 12 ч. „Русанов“ вышел в море, держа курс на Архангельск. 23 сентября мы проходили Поной при совершенно спокойной погоде, а 24 сентября в 8 ч. подошли к Красной пристани в Архангельске.

„Русанов“ за 55-дневный поход прошел 5.000 морских миль.

Старинный знак на острове Богатом.

Во все время похода, как мы видели выше, производились различные научно-исследовательские работы. За это время было взято 250 проб поверхностной воды, сделаны 32 гидрологических и гидробиологических станций, было взято 30 проб грунтов и, наконец, при помощи эхолота было определено много тысяч глубин. Кроме этих исследований на местах остановок были произведены геологические и геофизические исследования.

Метеорологические наблюдения велись ежедневно в О ч., 4 ч., 8 ч., 12 ч., 16 ч., 20 часов по местному времени, а также в 1 ч. и 13 ч. по гриничскому времени.

Не безынтересно отметить некоторые общие данные, которые при этом получились.

Средняя температура	за	август	была	4,4°С
»	»	сентябрь	»	3,8°С
Максимальная	»	август	»	12,0°С (24/VII у мыса Челюскина)
Минимальная	»	»	»	0,4°С (15/VIII у о ва Каменева)
Максимальная	»	сентябрь	»	8,7°С (14 IX на пути к мысу Желания)
Минимальная	»	»	»	-0,9°С (13/IX на пути к мысу Желания)

Лето 1932 г. было исключительно благоприятным в ледовом отношении, но, конечно, одного этого обстоятельства было-бы недостаточно для успеха нашего похода. Он был обеспечен необычайно дружной работой всех участников экспедиции, их сознательностью, дисциплиной, мужеством и преданностью делу.

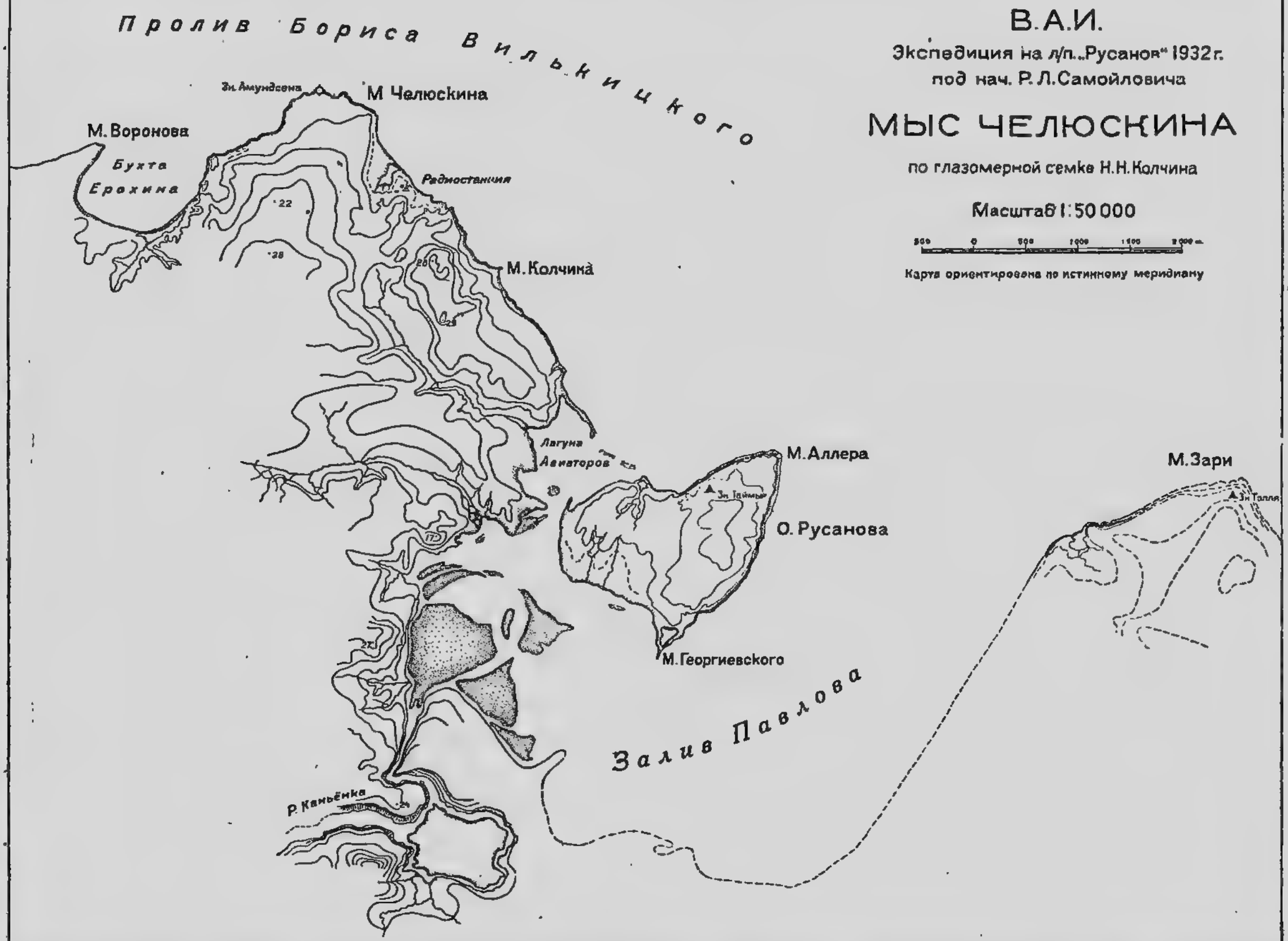
ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ГЛАВА ПЕРВАЯ Отъезд из Ленинграда. — Яша Ардеев. — Кто такой В. А. Русанов.	3
ГЛАВА ВТОРАЯ На „РУСАНОВЕ". — Цель и состав нашей экспедиции. — Проводы. — Выход в море. — Новая Земля.	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ Центральный полярный бассейн и влияние Норвежского моря на гидрологический и ледовый режим северных морей.	27
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ На острове Диксон. — Остров Свердрупа. — Могила Тессема. — Остров Уединения. — Открытие неизвестных островов. — Что представляет собою Карское море.	36
ГЛАВА ПЯТАЯ На Северной Земле. — Рассказ североземельцев. — Смена зимовщиков. — Морской заяц. — Белый медведь.	51
ГЛАВА ШЕСТАЯ Опять в море. — У мыса Свердлова. — Постройка домика. — Взятие проб грунта. — Планктон и бентос.	62
ГЛАВА СЕДЬМАЯ Вокруг острова Большевик с запада. — В проливе Вилькицкого. — Мыс Челюскин. — Знак Амундсена. — Выбор места зимовки. — Кто до нас побывал у самой северной оконечности старого света.	73
ГЛАВА ВОСЬМАЯ Письма Амундсена и Свердрупа. — Тяжелая выгрузка. — Нападение моржа. — Огромные стаи белух.	89
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ Прилет мощного самолета „Комсеверпуть 2". — По воздуху на Северную Землю и обратно. — Геологическая экскурсия. — Построена самая северная обсерватория Евразии. — Опять на Северную Землю. — Русская Гавань. — Возвращение.	100

Редактор *М. Ермолаев.* Техн. редактор *М. П. Орловская.*

Сдано в производство 1/I — 1934 г. Подписано к печати 5/V — 1934 г.
Колич. тип. зн. в 1 б. л. 114588. Ст. ф. 82×110. Авт. лист. 7¼.
Бум. лист. 2. Тираж 10600 экз. Ленгорлит № 8646. Заказ № 2.
Ленинград—1934 г.

Тип. „Коминтерн" и школа ФЗУ им. КИМ'а. Ленинград. Красная ул., 1.



В.А.И.

Экспедиция на л/п. „Русанов" 1932 г.
под нач. Р. Л. Самойловича

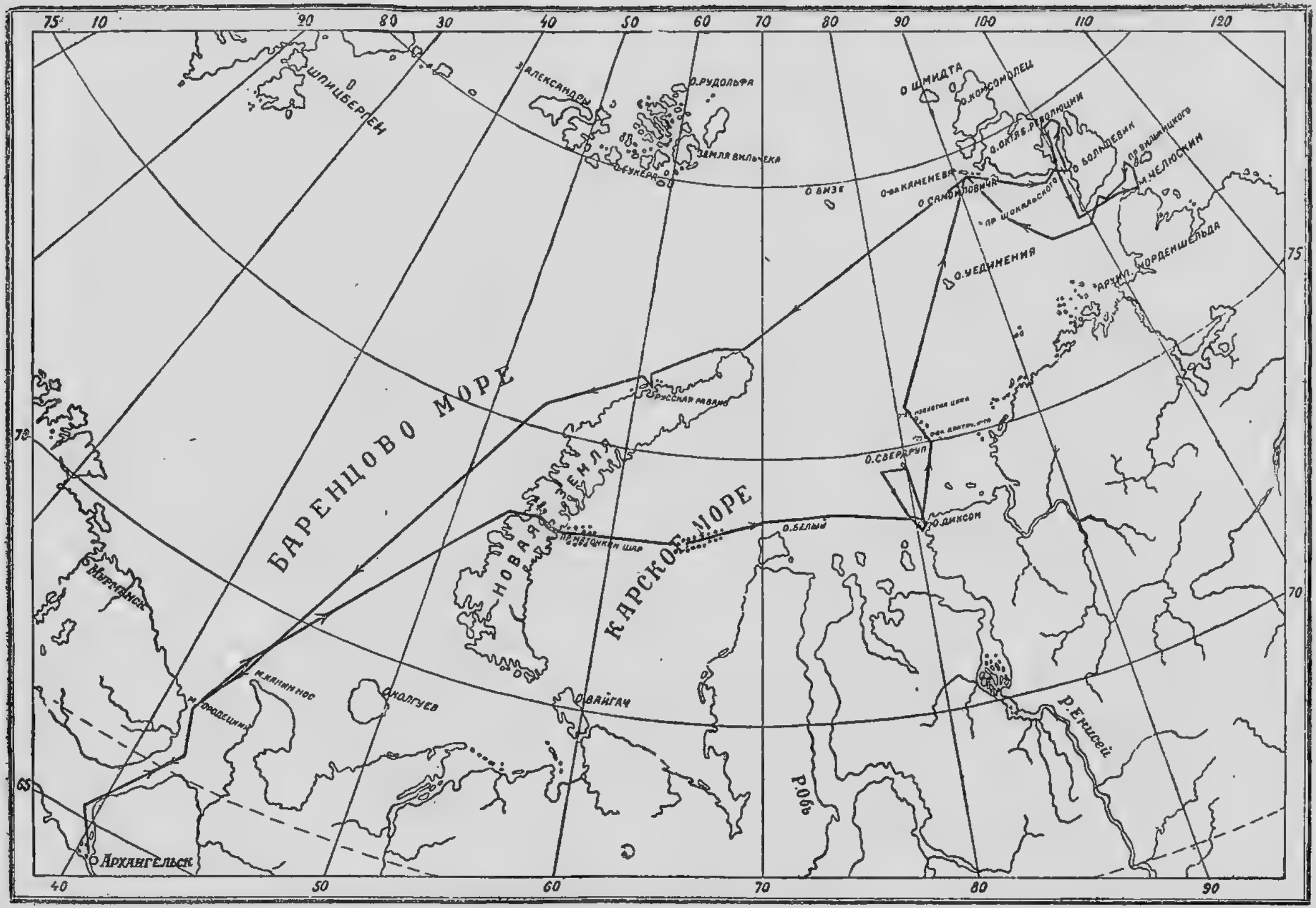
МЫС ЧЕЛЮСКИНА

по глазомерной семке Н.Н. Колчина

Масштаб 1:50 000

500 0 500 1000 1500 2000 м

Карта ориентирована по истинному меридиану


75
10
90
80
30
40
50
60
70
80
90
100
110
120
ШПИЦБЕРГЕН
З.АЛЕКСАНДРЫ
О.РУДОЛЬФА
ЗЕМЛЯ ВИЛЬЧЕКА
БУХАРА
О ВИЗЕ
О ШМИДТА
О.КОМСОМОЛЕЦ
О.ОКТЯБ.РЕВОЛЮЦИИ
О БОЛЬШЕВИК
ПР ВИЛЬКИЦКОГО
М.ЧЕЛЮСКИН
О-ВА КАМЕНЕВА
О САЛЬНИКОВИЧА
ПР ШОКАЛЬСКОГО
О.УЕДИНЕНИЯ
АРХИП. ВРАНГЕЛЬСА
О.СВЕРДРУП
О.ДИКСОН
О.БЕЛЫЙ
ПР МЕТОЧКИН ШАР
РУССКАЯ ГАВАНЬ
НОВАЯ ЗЕМЛЯ
БАРЕНЦОВО МОРЕ
КАРСКОЕ МОРЕ
Мурманск
М.КАНИН НОС
ОКОЛГУЕВ
О ВАЙГАЧ
Р.ОБЬ
Р.ЕНИСЕЙ
О Архангельск
75
70
40
50
60
70
80
90

Цена 2 руб. 20 коп.

Супер-обложка художника
В. Д. Двораковского

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
Сектор партийно-комсомольской литературы КОГИЗ. Москва.
Ул. Блюхера, 8.

КГ С
17
М

КГ С
417-М